

Артем Кастрл

ИЗГОИ

Партия - все
Личность - ничто

Артем Кастрл

Изгой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29610510

SelfPub; 2018

Аннотация

Мир тоталитаризма. Партия – все, народ – ничто. Личность ничего не значит. Контролируются все действия. Свобода мысли запрещена, а с теми, кто вздумает высказывать свое мнение, беседуют чистильщики...

Предисловие от автора

Идея этой книги пришла ко мне, когда я подрабатывал в одном ресторане быстрого питания. Собственно именно из-за этого основным местом книги стала закусочная. Задолго до написания книги я прочитал удивительную, на мой взгляд, книгу Джорджа Оруэлла «1984». Эта книга стала первой прочитанной мною книгой в жанре Антиутопия, она заставила меня задуматься над многими вещами и в итоге после написания «Изгой» я понял, что книга нашла свой отклик в моем творчестве. Иногда мне кажется, что «Изгой» не родились бы без «1984», более того – некоторые люди, прочитавшие «Изгой» полностью, рецензировали мне, что в тексте прослеживается стиль и тема «1984». Это было сделано мною не намеренно, просто так вышло.

Отмечу, что главный персонаж книги был специально создан в моем воображении, как отщепенец, который пытается доказать обществу, что он хоть что-то да стоит. Он старается удержаться на плаву в том мире, который искренне ненавидит и презирает. Мне предлагали заменить этого персонажа на другого, или хотя бы показать его перерождение: от червя к хищнику. Но я отказался от этой идеи. Для мира, населенного депрессией и страхом этот персонаж подходит идеально. Даже в конце книги он остается тем же червем, просто слегка поднявшим свою голову.

Хочется отметить, что изначально я планировал написать

2 тома в одном, но потом после завершения работы над первым томом и развитием идей над вторым, понял – второй том не нужен. История идеально заканчивается в открытом финале, где любой читатель сам может додумать выбрать идеальную для него концовку. А я оставлю свою концовку при себе...

1

Этот день закончился так же, как заканчивались остальные дни на протяжении последних десяти лет, – серо и убого. Я иду по ночной улице, желая скорей добраться до дома. Так и хочется лечь в кровать, полностью накрыться одеялом и уснуть. Не просыпаться до тех пор, пока не наступит новый, более улучшенный мир. Мир, в котором все будет хорошо. Забавно, но это желание уже давно не покидает мой разум. Еще со школьного периода, просыпаясь утром и подходя к зеркалу, я жалел, что не уснул, попав в кому. Почему-то кома казалась мне спасением от всего того, что происходило со мной в реальности. Казалось, что мир сна – это тот мир, в котором я хочу жить. Он сильно отличается от реальности, потому что в этом мире меня хотя бы считали за человека. Наверное, желание уснуть и не просыпаться появилось у меня в голове как раз тогда, когда у меня были проблемы в школе.

Я учился не так хорошо, как этого хотели мои родители. Ни с кем ни шел на контакт. Точнее со мной никто не шел на контакт. В каждом классе есть такой мальчишка, кото-

рый единогласным решением будет принят за «козла отпущения». Не то чтобы он сам этого хотел, просто за него уже все решили. В моем классе таким был я. Надо мной издевались мои одноклассники, не жалея на меня шуток и приколов. Да что одноклассники, даже мой классный руководитель любил кинуть в мой адрес несколько скабрёзных шуточек, которые сразу же рожали в тихом классе волну неистового смеха.

Моя мама не верила мне или не хотела верить. 6 дней на неделе я должен ходить в это место, и испытывать унижение от тех, с кем мне предстояло еще долго учиться, и от тех, под чьим надзором я должен был учиться.

Это были страшные годы, но, к счастью, все проходит – и хорошее и плохое – вот и мой срок унижения прошел. Я закончил школу и поспешил скорей уйти от всех. Я разорвал контакты с моими одноклассниками, впрочем, они этого и не заметили, а если и заметили, то не подавали виду. Для них я как был изгоем, так им и остался. Они даже удивлялись после того, как у меня начиналась истерика, почему я плачу от их веселых и добрых подколов. Им казалось все это нормальным. Им – но не мне.

Школа так повлияла на меня, что я решил больше никогда и нигде не учиться. Страх попасть в то же окружение, которым меня окружал мой класс, переборол желание учиться. Я пошел работать.

До начала комендантского часа осталось 2 минуты. Нужно

поторопиться, иначе есть возможность встретиться с полицейскими. А эти ребята не любят нарушителей комендантского часа. Если встретишься с ними на улице – недели 2 ходить не сможешь – это точно.

Я уже привык к унижениям, потому что здесь они окружают тебя везде. На работе с тобой общаются как с последним куском дерьма. Ты никто – все только цель, ради которой ты работаешь. Этой целью всегда было продвижение Партии вперед. Партия управляет государством давно. Возможно, до моего рождения было иначе, но, сколько себя помню – Партия правила страной. В школе мы писали хвалебные сочинения в честь Партии за дела, которых она не совершала, но они были записаны в плане, а, значит, не могли быть невыполнены. Весь народ считал Партию светом в конце туннеля, не было ни одной компании, в которой бы не прозвучали слова благодарности Партии. Молодежь, которой присуще легкая анархия, которая может бунтовать, не бунтовала. Вовсю работали отряды юных партийцев. Считалось стыдом и позором, если ты не вступишь в эти отряды. Помимо позора тебя могли посчитать за врага народа и осквернителя партийных ценностей, раз уж ты не хочешь их поддержать. Я был в таких отрядах. Не отряды, а собрания для промывки мозгов. Каждый раз нам вдалбливали, что Партия работает на нас, что мы должны помогать ей во всем. Надо убить мать – убей. Надо убить себя – убей. Надо отдать детей и свою квартиру – отдай. Никто не знал, что Партия делает с

неугодными, с отступившими. А я знал. Она их стирает. Если Партия решила, что ты можешь быть шпионом или подрывателем ее ценностей, ты уже труп. Пока живой, но труп. За такими приезжают ночью на черных машинах, и больше их никто не видит. Никто не спросит: «А куда подевался Гарри?», потому что через пару дней после исчезновения Гарри, все доказательства его существования будут стерты. Вы даже сами не поверите, как вам могло прийти в голову, что в квартире напротив жил какой-то Гарри, или, что у вас был такой друг. Так Партия работает. Без осечек.

Нужно перейти дорогу и можно пройти сквозь старый парк. Полицейские все равно там не ходят. Но вот дороги смотрят. Право. Вдалеке виден свет фонаря. Они уже начали обход. Нужно торопиться, а то еще подумают, что я подрыватель ценностей, и пиши пропало.

Народ любит полицейских, все их считают работниками на благо народа, но лично я ненавижу этих сволочей. Вся их работа для народа – прикрытие. На самом деле полицейские те еще уроды. Они могут спокойно отправить ни в чем не повинного человека на смерть лишь из-за того, что он им не понравился. Не так кивнул. Попался во время комендантского часа, или, что было самое распространенное – им просто хотелось трахнуть его жену. Такие случаи бывают. Полицейский заходит в квартиру выбранного им человека. Зачитывает ему заранее ложно сформулированное обвинение. Человек же не знает, что против него сфабриковано ложное

дело. Раскаивается. Тогда и начинается шантаж. Муж продает жену ради своей свободы. В большинстве случаев такого не происходит: тогда мужа расстреливают, а жену насилуют. Затем уже и ее отправляют вслед за мужем. А тела отдают чистильщикам. Чистильщики же делают так, что никаких признаков существования покойников не было. Вот вам и схема.

Перешел дорогу. Скрылся в парке. Кажется, полицейские выражают свое отношение к нарушению закона на лице и теле какого-то бедолаги, не успевшего скрыться. Нужно идти быстрее. До дома рукой подать. Не хочется составить бедняге компанию. Практически дошел....

В моей квартире темно. Свет я не привык включать. Обычно сразу же валюсь спать. Но сегодня я не устал. Кажется, готов всю ночь просидеть без сна. Телевизор не включаю. Все равно ничего путного не покажут. Новости не смотрю. СМИ врут. Везде говорят, что страна воюет с иноверцами, но это не так. Никакой войны нет. Ее и не было. Просто Партии нужно поддерживать свое влияние. Вот пару раз она и взрывает жилые кварталы, а потом кого-нибудь выкидывает на суд людской в роли террориста. Интересно, что сам горе-террорист в это верит, и искренне раскаивается. Обычно их вешают на Центральной площади. Толпа наблюдает за последними муками, не понимая, что человек невиновен, что на его месте мог бы быть любой из них.

В этот раз я успел дойти до дома. Но получится ли в сле-

дующий раз проверить тоже самое? Смогу ли я вернуться и не попасться? Может, стоит немного отдохнуть от нервозных прогулок. Я подумаю над этим. Зажигаю свечку, ставлю над столом. Плотно закрываю занавесками окно. На дворе глубокая ночь, и любой источник света может привлечь нежелательных гостей, решивших проверить товарища, которого мучает бессонница, на предмет предательства и антигосударственной деятельности.

Я достаю из ящика большую толстую книгу. Это мой дневник. Книги были не запрещены, наоборот – поощрялись. Но любой, кто решит написать книгу, должен представить ее литературной комиссии на рассмотрение. Если вы хотите написать книгу о реальной действительности в стране, то лучше сами начните копать себе могилу. Литературная комиссия – это государственный орган. Если им не понравится ваша книга, за вами будут следить. И, скорей всего, кончите вы на Центральной площади.

Дневник я заполняю только ночью. Чтобы выложить все, что было со мной за день. В большинстве случаев я просто жалуясь на свою судьбу. Иногда появляется что-нибудь такое, что могло бы заинтересовать полицейских.

Я ненавижу Партию. Считаю, что она своим режимом правления усугубила дела страны. Мы закрыты от всего мира, никуда не выехать, никуда не въехать. Здесь личность ничто – важна только Партия. Все работают на благо Партии. Считается, что ты должен каждый месяц от своей зарплаты отда-

вать налог не только в пользу государства, но и налог за то, что ты имеешь эту работу. Ведь вместо тебя на этом месте мог бы работать другой. Если учесть, какие цены стоят на продукты, на одежду и все необходимое для человека, неудивительно, что большинство живет за чертой нищеты.

Я один из таких.

Моей зарплаты хватает на то, чтобы отдать налоги и купить пару продуктов, которые нужно растянуть на месяц. На работе я должен выглядеть опрятно. Поэтому я покупаюсь бритвенными станками и растягиваю их. На 7 месяцев 5 станков. Растягиваю чай, на 16 чашек 3 пакетика. Сахар я не ем и не пью. Его у меня нет. А денег на него не хватит. Сахар один из самых дорогих продуктов. Позволить его себе могут только верхушки Партии. Зато бензин дешевый. Но мне это не помогает. Машины у меня нет.

Трогаю щетину. Этим вечером можно не бриться. Но если не побреюсь завтра – схлопочу штраф. Минус что-то из продуктов. У нас любят раскидываться штрафами, ведь они идут в Партию, в руки партийцев. Получается, что я кормлю семью какого-нибудь жирного партийца, который только и рад обглаживать куриные ножки, выкидывая их остатки на дороги бедных улиц, наблюдая как класс бедняков борется за последнее мясо, оставшееся на ножках.

Достаю ручку. Нужно купить чернила. На всякий случай в дневник вшит мини отсек с карандашом. Карандаш куплен

2 года назад и используется только по редким случаям.

Пишу:

Еще один ужасный день жизни прошел. Меня бесит, что не могу поменять работу, что должен вообще на ней появляться. Почему я не могу уволиться? Возможно, потому что это все, что у меня есть. Не будет этой работы, и я останусь на улице. Буду жить у старой свалки, питаюсь и до того скверными отходами, обогреваясь зимой у подожженных баков. Это мне не в радость. Я должен терпеть все унижения, все оскорбления, чтобы не потерять работу. Всю жизнь я терплю оскорбления. Всю жизнь. И всю жизнь я мечтаю о свободе. За что мне, за что мне такое наказание. Многие мои бывшие одноклассники стали успешными людьми, а я как был нищим неудачником, так им и остался. Почему судьба ко мне равнодушна? Почему удача отвернулась от меня? Недавно узнал, что один из моих одноклассников крупная шишка. Живет двумя жизнями. У него есть и семья, и любовница. И жена знает об этом. Слышал, что однажды он привел любовницу домой и заставил жену, которая не так сильно отказывалась от этой развратной затеи, провести ночь с ними. Другой мой одноклассник женился на богатой вдове, и когда она вписала его в компаньоны, он сдал ее. Якобы она продавала

конфиденциальные сведения чужеземным шпионам. Правда, позже забрали его самого. Полицейские посчитали, что, если жена такая, муж может быть таким же. Никаких шпионов не было. Зато было дело с словом «расстрел» в графе приговор.

Женщины.

Обнаженные тела.

Как они все вместе провернули?

Партия не разрешает двойных браков. Но про групповое сношение слов не было. Ему повезло – да. Он счастлив – возможно. Теперь он может иметь сразу 2 женщин, когда я не имею ни одной. Я не помню, когда в последний раз у меня был акт с женщиной, и был ли вообще. Кажется, будто я все еще чист и невинен в этом смысле, когда мои одноклассники грязны и порочны.

Хочу женщину.

Но какая мне даст быть в ней?

Какая женщина согласится провести ночь со мной?

Гулящая?!

Партия разрешала проституцию, но для этого нужно заплатить колоссальную цену проститутке, и заплатить налог на половой акт.

Стоит попробовать и за тобой уже следят.

Стоит попробовать подумать о предательстве и за тобой следят.

Я знаю, ЗА МНОЙ СЛЕДЯТ! Я не показываю виду, что ненавижу партию, но в глубине души я готов встать на амбразуру. Размахивать флагом анархии, развалить эту чертову систему. Но разве что-то выйдет.

Один человек не может ничего против хорошо сформированной системы.

СИСТЕМА

СИСТЕМА

СИСТЕМА

Хватит тратить листы понапрасну. Нынче бумага дорогая. А расписывание на пол листа страницы слова СИСТЕМА ни к чему хорошему не приведет.

Пора спать. Уже скоро рано вставать. Ничего путного я не записал, да и вряд ли бы написал. Уже давно ничего, кроме бреда я не пишу. Я хочу драться, но не предпринимаю ни одной попытки, чтобы подраться. Я живу тихой жизнью: ни друзей, ни родных, ни семьи. Идеальный человек для Партии. И при этом Партию я ненавижу!!!!

Убираю дневник обратно в ящик. Проталкиваю его вглубь. Заворачиваю его в одежду. Если кто-то увидит его, прочтает, меня арестуют. Откуда я все это знаю? Откуда я знаю о партийных делах? О том, как партия избавляется от «шпионов и предателей»? я видел это? Нет. Тогда откуда?

Может, просто на меня не подействовала промывка мозгов по партийным каналам? Возможно. Но я это знаю. А пока я знаю, я враг Партии №1. Скрытый враг, о котором, правда, она, возможно, догадывается. Ищет меня и не находит. Не обращает внимания на скромного работника. И правильно. Больше проживу.

С этими мыслями я ложусь спать. И снится мне, будто меня поймали и пытали. И умереть мне дали только тогда, когда мой организм выработал иммунитет против боли.

2 часа. До моего перерыва осталось 30 минут. Я стою в зале, убираю за пожирающими нашу стряпню посетителями. Я не говорил? Я работаю в одной из ста расположенных по нашему государству закусочных. Эти закусочные были созданы для бедняков. Поэтому над блюдами никто не парил-ся. Не то чтобы здесь подавали не пойми что, но могли быть случаи, когда посетитель получает недоделанное блюдо, ли-бо блюдо, в котором мясо подгорело. Никто, конечно же, не будет жаловаться, а если будет, то доблестные менеджеры превратят потерпевшего в обвиняемого.

– Наша закусочная входит в структуру партийных орга-нов. Вы, «сэр», хотите сказать, что партийный орган вас чем-то обделил или подал вам испорченное блюдо? Вы идете про-тив Партии?

Конечно же, никто против Партии не шел, и чтобы замять

это дело некогда потерпевший покупает одно большое блюдо и платит едовой налог.

История возникновения таких закусовых проста: бедняки не могли ходить в столовые для партийцев, так как цены там были равны месячной зарплате, некоторые бизнесмены решили построить закусовые, в которых готовили не так хорошо, как в партийных столовых, но при этом, чтобы в них бедняки заходили. Сначала Партия была против этого. Но потом в виде жеста доброй и заботливой воли дала добро с условием, что весь едовой налог, а именно налог, уплачиваемый посетителем за возможность поесть в закусовой (ведь человек, чье место он занял, мог бы заказать больше, будь он здесь) и небольшие дивиденды от дохода закусовых переходят в государственную казну. В общем, – в руки партийцев.

Честно скажу: поваров среди нас нет. Для того, чтобы собрать блюдо, большого ума не нужно. Это как конструктор. Берешь булочку. На одну сторону капаешь горчицы, на другую кетчуп. Соединяя булочки, смешиваешь горчицу с кетчупом, и промеж них вставляешь котлетку и нужные топпинги. Затем заворачиваешь в обертку, и вуаля – блюдо готово.

Я вижу все эти радостные лица, семьи, радующиеся возможности поесть здесь, словно они думают, что им оказали высокую честь. Именно им. Наблюдая за всем этим, я отчетливо понимаю, что хочу свалить с этой работы. Хочу, но не могу. Беднякам трудно найти работу. Так что, если бед-

няка увольняют, велика вероятность отправиться в нищенские кварталы. А там жизни вообще никакой. Впрочем, как и здесь.

Ко мне подходит Мэтт. Не то чтобы мы с Мэттом были друзьями, нет, мы просто знакомые, если нас так можно назвать. Кроме стабильных «привет», «пока», мы также общаемся и на другие интересующие нас темы. Забавно. В этой харчевне я нашел одного человека, который хоть как-то отличается от этих вечно радующихся всему людей.

– Привет. – сказал он.

– Привет. – ответил я сразу же.

– Спросить хотел, у тебя нет свободного станка? А то мой практически испортился.

– Нет, – соврал я, бритвенные станки у меня были, возможно, был и лишний, но отдавать его я точно не собирался. Они, как чай и сахар, были очень дорогими. – сам со своим вторую неделю хожу.

– Это печально. – молчит – Слышал про Биба?

– А что с ним?

– Переехал с семьей недавно в нищенский район.

– Почему? Он же хорошо работал.

– Зарплату они потратили быстро. Сидели на мели. Вот он и решил украсть пару гамбургеров. Его поймали и уволили, забрав зарплату как штраф. Если бы он потерпел, то получил бы зарплату и премию, он же весь месяц работал прилежно. Лучше всех. Вчера даже отходную делать не стали. Мы скидывались ему на первое время. Для нищенского района хватит, но это только на первое время. А потом...

– Жалко его. Хоть он и дурак.

– Пойду я, а то на нас Эрни смотрит.

Эрни – это наш менеджер. На самом деле он такой же, как и мы с Мэттом. Эрни когда-то работал обычным поваром. Но потом как-то подружился с хозяином закусочной, как-то выбился вперед и стал нашим менеджером. Сначала он был ничего: если надо отпускаял, не записывал опоздания, да и вообще – помогал нам. Но потом власть утопила его в себе. Он заносил в «Лист» все промашки, иногда что-то придумывал сам.

«Лист» – это такой некий отчет о работе сотрудника: в него вписываются все заслуги и косяки отдельно взятого

работника. Он был важен для нас. Так как хороший «Лист» – это прибавка в виде премии и хорошая зарплата, плохой – все, но наоборот. У меня был средний «Лист», и я радовался тому, что имею.

Эрни посмотрел на нас. Мэтт вернулся к своей позиции. Я улыбнулся Эрни и поспешил заняться залом. Уносил подносы с обедками. Но одним взглядом я точно заметил, что Эрни склонился над «Листом». Он точно что-то напишет. Ну и плевать. Все равно меня не уволят. От меня идет хоть и не самая высокая, но производительность. Между выбором уволить обычного работника и работника, пашущего на вас без выходных, вы, конечно же, уволите обычного. Я специально в анкете ставил 6/1. 6 дней работаю, 1 отдыхаю. Максимум труда, который может предложить государство для работника. Также я обучен на 3 станции, а это тоже что-то даст. Я могу выходить в любые дни и в любое время. Не спорю о выходных, потому что проводить мне их не с кем. Я точно уверен, из-за «Листа» меня не уволят. Стоит хозяину взглянуть на мое дело и все. Я один могу заменить троих работников. В меня много вложили. И не хочется им, чтобы вложения были напрасными.

Да и я увольняться не собираюсь. По известным уже причинам.

Эрни был той еще сукой. Все отлично помнят ту историю с Анной. Анна была обычным поваром, работала через

2 станций от меня. 25-летняя девушка, обладающая смазливый, но при этом ангельски красивым личиком, светлыми волосами и удивительно голубыми глазами. Она неплохо справлялась с работой. Как мне было известно, у нее был муж. Он, правда, не работал. Эрни заметил Анну. Заметил, обозначает – захотел провести с ней ночь. Он и так и сяк к ней подкатывал, но она всегда его отшивала. За это я стал уважать ее еще больше. Но однажды он пошел на более радикальные методы, подкараулил ее в кладовке, и принялся раздевать, она избежала насилия, выдав ему хорошую затрещину. Эрни собирался ее уволить. Он мог это сделать. Единственным вариантом на спасение оставалась ночь любви с ним. Ей пришлось согласиться на это. ПРИШЛОСЬ. И она сделала ЭТО. Получив то, что хотел, Эрни уволил Анну, написав на нее заявление в полицию, мол, девушка ведет распутную жизнь при живом муже. Такие работники Партии не нужны. В итоге Анне пришлось переехать в нищенские районы. С тех пор я ее не видел и дико себя ненавижу, что не вступился за нее. Мне так хотелось набить морду этому ублюдку. Но вместо этого я должен выслушивать его приказы. Он заставлял меня и многих других выполнять самую черную работу. Если у него падал рожок, он звал (так выходило, что я был ближе всех) меня, чтобы я его поднял и выбросил. И делая это, я оставлял без присмотра картошку, на которой я в основном работал. Приходя на место, я получал нагоняй от Эрни, что картошки нет. Следовательно: мой

«Лист» попорчен. Были и другие ситуации, и везде он выходил чистеньким, а остальные не могли справиться с секундным делом, чтобы не слазить со своими обязанностями.

О, вот мой перерыв.

2

Домой я вернулся до начала комендантского часа. Так что встреча с полицейскими меня могла не волновать. Оказавшись дома, я сразу же занавесил окна, достал дневник и ручку. Бумага заканчивается. Нужно что-нибудь предпринять.

Я сижу перед раскрытым дневником. На столе горит свеча, по которой маленькими каплями стекает воск. Мне хочется как-нибудь излить свою злобу на Партию в письменном виде, но ничего не получается. Словно моя муза покинула меня. Ушла к другому ненавистнику партийных идеологий. Внезапно мне в голову пришла крайне безрассудная мысль: нужно выйти на улицу. Погулять. Быть может, муза вернется ко мне.

Я искренне старался подавить в себе эту мысль. Нельзя идти на улицу, особенно после начала комендантского часа. Но ведь Партия говорит, что мы все свободны, что мы можем делать то, что хотим. Вот я и хочу пойти на улицу. Чувствую, что, если встречу с полицейскими, недели 2 буду писать в больничную утку лежа. Перед тем как выйти из подъезда я

выглянул в окно. Никого нет. Вышел.

На улице прохладно. Я вдыхаю воздух. Мне кажется, что это воздух свободы. Что я свободен. Фонари освещают улицу. Если из поворота выйдут полицейские, мне конец. Решаю сделать круг и домой. Мысли начали приходить мне в голову. Муза вернулась. Нужно было всего лишь подставить себя под удар, и вот она пришла.

Я проходил мимо одного из ничем не примечательных столбов, и вдруг он привлек мое внимание. Я заметил, что что-то прикреплено к нему. Подойдя ближе, я увидел лист. На улице было слишком темно. Буковки были маленькие, и я не мог разобрать, что было написано. Я оторвал лист от столба и побежал домой.

Сердце мое так бешено билось, что мне казалось, будто по нему меня выследит полиция. Я думал, что перебуду всех жильцов моего дома стуком, исходящим из моей груди.

Остановился перед подъездом. Огляделся. Никого. Нырнул в него.

Только дома я почувствовал себя в безопасности. Я сидел на полу, прижимая к груди смятый листок. Он точно чего-то стоит. Днем я его не видел. А если ночью он появляется, а днем исчезает, значит – полиция не хочет, чтобы добропорядочные граждане узнали о содержимом листка.

Я должен его прочитать. Должен изучить содержимое таинственного листка.

Свеча наполовину сгорела. Я раскрываю лист и читаю:

«Граждане, обращаемся мы к вам, чтобы заявить. Все вы свободные люди, вы все имеете право на такой же достаток, какой испытывают люди высших чинов. Партия дурманит ваш разум, она отравляет вашу жизнь и вашу реальность. Вы работаете на нее, не получая взамен, кроме унижений, ничего, восстаньте вместе с нами, пойдите и прогоните Партию! Добудьте себе свободу, которую вы заслуживаете.»

Les misérables.

Les misérables. Так называется эта организация. Я знал. Я знал, что я не один, кто воюет с Партией. Знал, что у меня есть друзья, о которых я раньше не знал. Les misérables мои друзья. У меня с ними одна цель: прекратить деспотизм Партий. Но что, если это и есть Партия? Что, если она расклеивает эти бумажки, чтобы вычислить таких, как я? Я попался на эту уловку.

Но вряд ли.

Партия могла это сделать и днем, чтобы вычислить по-

тенциальных врагов общества. Днем этих бумажек нет. Их жизнь начинается и кончается ночью, пока полицейские не найдут их. Значит, *Les misérables* существует. Я должен с ними встретиться. Должен попасть в их ряды. Тогда я смогу внести туда посильный вклад в борьбу с Партией, чем тот, который я вношу сейчас. Да. Так оно и будет.

Я уснул радостным. Теперь я точно знаю, что моя борьба с Партией не безнадежна. Есть еще люди, желающие принести свободу в общество тупых людей, которых зомбировали с самого рождения, что нужно работать на благо Партий, что Партия все – личность ничто. Вместе с молоком матери мы получали эту информацию, позже все СМИ с помощью графических, звуковых, визуальных волн зомбирования привили нам любовь к Партии, привили нам, что Партия все, «я» – ничто. Я долго рассуждал, почему на меня не подействовала эта волна зомбирования. Может быть, я какой-то особенный. А может быть, просто вырос в одиночестве. Некому было меня зомбировать.

По всему городу прошла весть, будто к нам вторгся шпион. Партия призывает быть бдительными. Он может быть кем угодно. Другом или даже родным. Никто ни с кем не секретничал, все поглядывали друг на друга.

Следили за движениями. Малейшее отклонение и можно было попасть в лапы чистильщиков. Лично мне этого не хотелось. Да и вел я себя, как всегда.

Прежде всего, я сделал вид, будто удивлен этой новостью.

Все знают, что газет я не читаю, телевизор не смотрю, радио не слушаю. Во мне одном слились те три обезьяны, каждая из которых закрывала или глаза, или уши, или рот.

В новостях объявили, что за пойманного шпиона дается вознаграждение, которое не особо то и было нужно. Одним лишь упоминанием о том, что враг Партии на свободе, партийцы смогли привить злобу к бедному шпиону, выискивающему компромат. Ко мне подошел Мэтт. Сегодня мы работали рядом. Я на картошке, он напротив меня.

– Привет.

– Привет.

– Я нашел бритвенный станок.

Я только смотрю на него. Еще вчера он просил его у меня. Что, если Мэтт шпион?

– Нет, нет, – поясняет он – я выменял станок у Кирка на 2 чайных пакетика.

– Ого. Ты же очень сильно любишь чай. Неужели ты так легко смог отдать 2 пакетика?

– Это было нелегко, но мне пришлось это сделать. Знаешь ли, между вариантом: работать без чая и почаявничать, но отправиться в нищенские кварталы, я выбрал первый вариант.

– Ты силен духом.

– Спасибо. Слыхал, о чем талдычат все эти ненормальные люди?

– Да, шпион.

– Ты в него веришь?

– Да, а ты?

– Конечно. Просто не думаю, что Партия его упустила. Может быть, она специально всем пудрит голову, чтобы шпион на это купился и где-нибудь наследил, не зная, что Партия уже выслала чистильщиков на его след.

– Ты думаешь, такое возможно?

– И да и нет. Трудно говорить, но я склоняюсь, что эта версия может быть живой. Мы же не знаем о том, что творится в головах партийцев.

– Я знаю тебя давно, и ты всегда меня поражал своими открытиями.

– Век живи – век учись. Шпионом может быть кто угодно. Боб. Кирк. Ира. Анастасия. Я. Ты!

Мне показалось, будто он назвал меня шпионом. На момент я и сам в это поверил, не удивлюсь, если мое лицо выдало эту минутную веру в то, что я шпион.

– Не может быть. – говорю я, искренне в это веря.

– Но ведь это может быть и так. Откуда ты знаешь, что ты не шпион? Как ты это докажешь?

– Я не шпион!

– Да ну? Этим громким заявлением сейчас разбрасывается каждый, и партиец, и бедняк. Но ведь кто-то из них врет.

– Но я не шпион.

– У тебя картошка подгорает.

Я возвращаюсь к своей станций, Мэтт к своей.

И вправду. Почему я уверен, что я не шпион. Мэтт посадил во мне семя раздора. Я задумался над его словами. Вытащил картошку из масла, опрокинул ее в ванночку, и начал наполнять ею упаковки.

Я НЕ ШПИОН!

Я НЕ ШПИОН!

Плевать, что я не люблю Партию и хочу от нее избавиться, разрушить строй. Но я не шпион. Я никогда ни за кем не шпионил и не знал, как это делается. Я не гожусь в шпионы. Почему Мэтт остановился на мне и выделил меня из всех. Я почувствовал, с какой интонацией он выделял меня из всех. Из всего этого сброда. Но я не шпион. Ни один сканер и радар, тест этого не докажет. Здесь я чист перед Партией.

А может так оно и есть? Я шпион. Может, я стал им, когда получил сообщение от *Les misérables*? Да нет. Я точно не шпион.

У меня забирают картошку. Ставлю еще. Нужно как-то образумить Мэтта, заставить его поверить, что я не шпион.

– Слушай, – поворачиваюсь я к нему – а почему ты уверен, что ты не шпион. Ведь и ты мог бы им быть.

Он только улыбнулся. Завернул гамбургер, поглядел на меня и отдал его кассиру.

– Потому что шпиона заметили не у моего дома, а рядом с твоим.

Этого я не знал. Значит, скорей всего ищут шпиона, который расклеивал эти бумажки.

– При желаний ты бы смог приехать к моему дому.

– Я живу на другом конце города, если бы я решился на это в комендантский час, меня бы точно поймали полицейские. Не нервничай, я тебя ни в чем не обвиняю.

Он только похлопал меня по плечу и отвернулся к себе. Я же не мог расстаться с мыслью, что рядом с моим домом был шпион. Если бы я вышел минутами раньше, я бы мог его увидеть. Может, он бы сказал мне, как попасть в *Les misérables*.

Эта мысль не покидала меня и дома. Какие-то несколько минут (ну или часов) решили значимую часть моей жизни иначе. Теперь вместо того, чтобы учить секретные пароли, продумывать планы действий я сижу здесь и проклиная себя

за то, что поздно вышел на улицу.

Мой дневник открыт. Он готов впитывать в себя чернильные слова, готов впитывать в себя мои проклятия адресованные судьбе, и вообще всем, кто лишил меня встречи с Les miserales.

Слова не приходили в голову.

Мысль не шла.

Я хотел написать проклятия, но они не пришли ко мне. Не взобрались в мою голову, не штурмовали меня. Они просто обошли. Обошли все мои эмоции, не родились словами.

Сажу перед пустой страницей. Что ж, знаю я одно решение. Задуваю свечку. Встаю, иду на улицу.

Все так же темно. Все так же прохладно. Я знаю: возле моего дома будут дежурить. Мимо полиция не пройдет. Возможно, мой адрес известен чистильщикам, и когда они придут по душу мою – сильно удивятся: почему это я не в постельке своей сны вижу, и почему меня вообще дома нет?

Вот кто шпион! Сразу подумают они. И тогда к моей сверх болезненной смерти прибавятся еще одна сверх болезненная смерть. 2 раза умереть нельзя. Но, думаю, чистильщики что-нибудь придумают.

Гуляю, иду к своему столбу. Иду тихо. Оглядываюсь по

сторонам. Полицейских не видно. Видно, не дошли еще до столба. И правильно. Мне нужно получить весточку от Les misérables. На столбе нет ничего нового.

Похоже, они не используют одно и то же место дважды. Решил прогуляться к парку. Как же все-таки улица манит ночью. Просто хочется гулять и гулять. Смотреть на звезды. Любоваться темным, как твоя жизнь, небом, понимая, что через определенное количество времени небо просветлеет, а твоя жизнь – нет.

В парке темно. Установленные рядом с ним фонари его практически не освещают. Плотные кустарные заборы тому виной. Это точно. Проходя мимо большого, старого дуба, проживающего свои, наверное, 200 лет, остановился. Что-то странное было в нем именно сегодня. На нем висел золотой лист. Такими дуб точно не славится. Я еле-еле его заметил, и то случайно. Что на нем написано? Для кого, и для чего он? Нужно сорвать его и побежать домой. Прочитать перед дневником. На том конце парка показались маленькие просвечивающие темноту кругляшки. Свет от фонарей. Полиция идет сюда. Пора!

Хватаю лист и бегу домой. У подъезда так же останавливаюсь и оглядываюсь. Пусто. Чисто. Называйте, как хотите, главное, что никого. Захожу в подъезд. Лист я помял. Руки мои вспотели. Не удивлюсь, если пара букв поплывет.

Плотно закрываю за собой дверь. Как же мне повезло, что мои соседи, обдолбанные зомби, которые спать ложатся вме-

сте с мелодией отбоя. Никто из них не мог меня увидеть. Все, наверное, уже 20-ые сны видят. Один я тут с письмами бегаю.

Подхожу к дневнику. Зажигаю свечку. Положил на стол лист. Распрямил его. Читаю:

Шпион! Мы знаем, что тебя ищет Партия. Возможно, она уже напала на твой след, и сейчас ты пытаешься скрыться, но мы хотим помочь. Подай какой-нибудь сигнал, который будет понятен только нам, и мы спасем тебя. Мы твои друзья! Мы – *Les miserales*!

О нет! Что же я наделал? Я сорвал письмо, предназначавшееся не мне. *Les miserales* писали не мне. Если в первый раз их письмо и могло быть адресовано мне, то в этот раз я украл чужое письмо. Что же будет теперь с шпионом? Неужели Партия у него на хвосте, и я решил его судьбу, сорвав это письмо? Каким же должен быть сигнал, чтобы *Les miserales* поняли, что это сигнал бедствия? *SOS* – спасайте меня! Меня пытается Партия!

Я знаю, что нужно делать. Нужно самому найти шпиона и объяснить ему. Мы вдвоем должны найти способ попасть к *Les miserales*. Я даже не знаю, что труднее: найти шпиона или найти *Les miserales*?

Нужно отвлечься. Пожалуй, дневник сейчас сыграет мне

на руку. Исповедаюсь ему:

Желая встретиться с любимыми моему сердцу Les miserales, я, сам того не ведая, сорвал не предназначавшееся для меня письмо. В нем говорилось, что Les miserales, понравившиеся душе моей и вернувшие жизни моей хоть какую-то ясность, хотят приютить у себя шпиона, Партию терроризирующего. По мнению Les miserales, Партия села шпиону на хвост. Единственный выход – это встреча с Les miserales, которая не может состояться, так как письмо сорвал я, а не шпион.

Я боюсь за шпиона. Не хочется, чтобы информация, добытая им, вернулась к своим хозяевам, а Les miserales потерпели поражение.

На этом, думаю, начать поиски шпиона. Нужно встретиться с ним и бежать из этого дьявольского города, дьявольского государства.

Вклеиваю второе письмо в дневник и закрываю его. Надо расспросить всех на работе о шпионе, может, кто-нибудь что-нибудь знает.

На работе на меня вывалилась целая куча информации о шпионе. Кто-то утверждал, что он пойман Партией и сидит себе в каком-нибудь кабинете, пытаюсь искупить грехи.

Кто-то считал, что он уже убит, и лежит себе спокойно в какой-нибудь грязной канаве, присыпанный землей. Некоторые уверяли, что партия его специально упустила, чтобы потом он вывел ее на крупную сошку. Самой распространенной версией была, что он просто притаился где-то. Какими бы бредовыми мне эти версии не казались, ни опровергнуть, ни подтвердить, ни одну из них я не мог.

Впрочем, и с кем-нибудь обговорить каждую из них я тоже не мог. В СМИ говорили никому не доверять. Следить за всеми, ведь в эту самую минуту вы можете общаться с шпионом, притаившимся среди нас. Подозреваются все, даже близкие люди – это может быть: ваша жена, ваши родители, дети, или же ВЫ сами. ВЫ можете быть шпионом, и, если это так – вам несдобровать.

Если раньше коэффициент болтливости среди работников был высок, то сейчас он крайне низкий. Никто ни с кем не болтает, все друг за другом следят. Подозреваются все. Даже ты сам можешь быть шпионом, не забывай СМИ, а что если так и есть? Что если ты шпион, но сам не отдаешь себе в этом отчета? Я уверен, многие зомбированные партийные поддакивалки так и думают, а что если шпион я? Вряд ли. Но ведь это возможно? Что если я случайно, сам того не осознавая, предал Партию, и теперь она меня разыскивает? Нет. Вряд ли. А если да? Да. Если да? Вряд ли.

Об этом смешно подумать. Никто из этих работников не стал бы предавать Партию, ведь они ее так горячо любят. Тем

более, что им красть – секретный соус? Нет. Никто из них не шпион. Шпион кто-нибудь новенький, или тот, у кого вера в партию не такая сильная. Я и Мэтт могли бы подойти на эту роль. Но всем известно, он обожает партийные праздники. Одевается даже нарядно, чего не скажешь обо мне. Я ненавижу эти праздники и провожу их дома. Даже на улицу не выхожу, так что я могу подойти на роль шпиона. Если бы не одно «но». У меня нет друзей. Нет семьи. Я живу только работой, да и вообще – не живу, а существую. Я тот человек, которого пыталась сделать Партия, когда только восходила в свое вечное правление. Так что я вне подозрений. Но не для Мэтта. Он пристально посматривает на меня. Ждет, когда я ошибусь. Ждет того дня, когда сможет пойти в полицию и рассказать, кто якобы самый настоящий шпион. Кого никто не замечал, но он был рядом. Конечно, Мэтту вначале никто не поверит, но вот когда мою квартиру обыщут, а мой дневник найдут, меня познакомят с чистильщиками.

3

Ночью я сижу перед дневником. Мне нечего в нем написать. Мысли в голову не идут, а на улицу выходить не хочу. Со вчерашнего дня я заметил, что отрядов полиции, обходящих мой дом, удвоилось. С начала комендантского часа люди занавешивают окна. Никто не хочет лишний раз выглянуть в окно, или чтобы в него заглянули. Ночная жизнь лю-

дей кипит в занавешенных комнатах с надеждой в сердце, что их обман с окнами не обернется против них. Свет не зажигают. Пусть полиция думает, что дом спит. Так будет лучше.

Думая, что же можно записать, я погружаюсь в сон.

Через неделю о шпионе практически не говорили. Еще через пару дней о нем и вовсе забыли. Казалось такая обширная, распространенная, раздуваемая СМИ тема не могла кануть в лету, но количество информации подаваемой СМИ смогло оттеснить тему с шпионом назад, а потом и вовсе выкинуть ее из головы всех жителей города. Не удивлюсь, что если вдруг кто-то спросит: «Ребят, а что случилось с тем шпионом?» Ему ответят «Каким шпионом? Ты, видно, брат, попутал. Нет тут никаких шпионов». И с самым честным и верящим в это видом они будут говорить тебе, что твои шарики выехали из черепушки.

Никого не интересовала потерянная тема с шпионом кроме меня. Я не мог спать ночами. Мне снилось, будто он попал в руки партии, и я наблюдаю за его мучительной смертью. Он видит меня и кричит в муках:

– Спасибо тебе за «помощь», «удружил»!

От таких снов я просыпаюсь мокрый от накрывшего меня пота. Вся моя подушка мокрая. Хоть выжимай. Я не могу спать ночами. Ворочаюсь. Думаю, о нем. Это хорошо, если он встретился с *Les misérables*, а если он не встретился с ни-

ми. Что, если он сейчас в руках Партии готовится к встрече с чистильщиками или пытается искупить вину за содеянное, прося второй шанс. И он его получит. Партия даст ему второй шанс. Но рано или поздно встреча с чистильщиками произойдет. Партия не доверяет никому, тем более предателям. Она заставит его поверить, будто он честно служит своему государству, заставит поверить, будто он прощен, и когда он в это поверит, когда будет считать себя «чистеньким» перед Партией, тогда она его схватит и уличит в предательстве. Он сам будет хотеть смерти за содеянное предательство. Партия поступает так со всеми.

Идя на смерть, ты ее сам желаешь, надеясь, что это искупит твои грехи перед Партией. Партия перевоспитывает тебя, уничтожает твою веру в твои поступки и потом карает тебя за них.

Я искренне надеюсь, что шпион жив. И хочу искренне перед ним извиниться за свое любопытство. Надеюсь, это произойдет при живой встрече ни перед чистильщиками.

Все свое свободное от работы время я проводил за дневником. Думал, что смогу что-нибудь написать стоящее, но без прогулок ничего не получалось. После прогулок я оставлял на страницах свои самые настоящие чувства. Без прогулок я могу писать только гневные тирады в сторону Партии. Иногда я чувствую себя жалким борцом. Вроде бы нарушаю правила режима, но при этом веду себя как крыса, чтобы ме-

ня не арестовали и не убили.

Как я завидую шпиону. Он действовал по-настоящему. В открытую. Похитил, небось, ценные бумаги и теперь ищет его Партия, пытаясь заглушить стадо баранов тупыми новостями наподобие: кризиса не будет, потому что война отменена. Если честно – не было бы никакой войны – просто Партии нужно приподнять свою весомость в народе.

Проснувшись утром, я обнаружил, что всю ночь спал на раскрытых страницах дневника. Мои тайные вражеские послания в сторону Партии, переместившись мне на щеку, перестали быть тайными. Если я выйду на улице с такими фразами на щеке, по головке меня точно не погладят. Нужно смывать.

Пропустив завтрак, я успел на работу. Уже через 30 минут после начала смены мой желудок заурчал. За все годы моей самостоятельной жизни я приучил желудок требовать пищу согласно часам. Сегодня эти часы сбились. Мой перерыв будет только через 2 часа, а желудок ждать не станет. Попытавшись взять себя в руки, я принялся за работу. Сегодня было много заказов на картошку. Как-то странно. Но обдумывать это не приходится. Все мысли заняты картошкой. Краем глаза я заметил, что Мэтт поглядывает на меня. За последние дни мы с ним так и не пообщались. Он подозревал меня, я же старался развеять его подозрения. Он придвинулся ко мне. Сегодня мы работали рядом.

– Я вижу, ты голоден. – начал он.

– Не так сильно.

Он достал из кармана гамбургер и протянул его мне.

– Ты чего?

– Да бери ты, все нормально. Это списанный гамбургер.

– Но даже списанные брать нельзя.

– Не парься. Я лично его списал. Все нормально. Сегодня я на списании. Облегчил Эрни жизнь. Ешь пока он не увидел тебя. ... ну же.

Я взял гамбургер, развернул его и жадно надкусил. Он уже был давно списан. Вкус исчез, мясо остыло. Гадость редкостная, но желудок переварил. Теперь определенное время он беспокоить меня не будет. Упаковку из-под гамбургера я выбросил.

– Спасибо.

– Не за что. Послушай. Я рад, что ты все еще здесь. Поверь. Без наших бесед мне было бы тоскливо. Я рад, что ты

не оказался шпионом, иначе тебя бы поймали. Рад, что я ошибался.

– Я ценю наши беседы, но я не шпион.

– Это я уже говорил. Слушай, хочешь наесться вдоволь?

– Ты о чем?

– Дело в том, что я сегодня на списании, я работаю допоздна, оставайся со мной.

– Перерабатывать?

Дело в том, что работник может переработать, но за это ему не платят лишних денег – его бесплатно кормят обедом. Я никогда не оставался на переработку, и, честно говоря, не горю желанием.

– Эрни будет следить, орать, зачем это надо?

– Не будет. Я же стянул половину его работы. Он уйдет за 30 минут до закрытия. Останемся ты и я, и можно устроить такой ужин, который ты никогда не кушал. Я уже списал нужное количество гамбургеров, они лежат в холодильнике. После ухода Эрни спишу напитки и картошку. Еще сможем

сделать себе горячие блюда.

– Уверен, что Эрни уйдет?

– Само собой.

– Хорошо.

– Вот и отлично.

Каждый из нас вернулся к своей позиции. Я стал ждать, когда закончится эта длинная смена.

На удивление смена закончилась быстро. За час до своего отхода Эрни дал мне талон на обед, который я сразу же после его ухода променял на сам обед. А именно на: гамбургер, картошку, пирожок и напиток. Ресторан закрылся в 23:00, за полчаса до наступления комендантского часа. Те, кто живет далеко, ушли раньше. Мы с Мэттом закрыли само здание. Закрыли зал. Оставили открытой только кухню. Пока я готовил свежее мясо, он подогревал гамбургеры и занимался напитками. Картошка купалась в масле. Таймер звенит, извещая нас о том, что пора бы прекратить купать картошку.

Это был самый лучший ужин в моей жизни. Мы болтали о разных вещах, словно между нами не было того заслона, который был воздвигнут темой о шпионе. Делились сообщениями о разных идеях и проектах. Я скучал по такому

общению, и вот оно накрыло меня с головы до ног. Поедая свежую картошку, я запивал ее свежим напитком, заедая все свежим и не совсем свежим гамбургером. Мясо еще готовится. Совсем скоро мы попробуем бесплатно самое дорогое блюдо в закускойной. О да. Ради такого можно и каждый день оставаться. Но Мэтт говорит: не стоит. Если таким и заниматься, то раз в 5-6 дней. А то непременно заподозрят, что в твою смену так много списываний. Тактика Мэтта проста: один день он пирует, остальные 5-6 старается списывать меньше всего или вообще делать уравнение. Уравнение – это когда количество списанного товара одно и то же на протяжении недели или двух. Ничего сложного: не списывай больше нужного. Иногда то, что нужно списать попадает на стол к посетителю, а потом жалоба, сто раз обговоренная с другими беседа, и плюс списанное дорогое блюдо на столе у «дурака-посетителя».

– По домам нет смысла разъезжаться. Так что подготовим ресторан к открытию и спать.

– Хорошо.

– До прихода Эрни я приготовлю себе лучший кофе. Хочу попробовать его.

– Ты так и живешь? На таких вот ужинах?

– Да. И если будешь пай-мальчиком, оставлю тебя в доле.

– Я подумаю.

Мясо готово! Приятного нам аппетита.

Меня отпустили пораньше. Видимо переработка дала свое. Я поплелся домой по серым улицам. Погода решила разреветься. «Как бы не по шпиону» думал я. Никаких вестей ни от него, ни от *Les misérables*. Я все же надеялся на лучшее, но мысли мои уже оплакивали его. Я не гуляю. Полиция все так же крутится у моего дома. Думает, будто шпион нагрянет в тот парк проверить послания. Если они его ищут – значит, он жив, и он на воле. Или они хотят поймать рыбку покрупнее. В общем, я не гуляю по ночам. Скучаю по своим прогулкам. Пускай их было 2, но они были великолепны. Стоили риска. Иногда я наблюдаю за полицейскими, слегка открывая штору. Они сидят на лавочках и ждут. Иногда прячутся. Но в основном им лень что-то делать. Днем они, конечно же, не такие. Другие. Защитники порядка. Днем они покажут кузькину мать и приголубят всех, кто к ним стремится. Ночью же они напоминают людей. Пока их никто не видит. Может быть, и им не нравится наш режим. Если полиция поднимется на бунт, то есть надежда на успех. Но этого не произойдет. Партия вылавливает тех, кто может ослушаться приказа и увольняет их. Избавляется

от них, отправив в нищенские районы. Убить их она не может. Поэтому просто на произвол судьбы выбросит. Так было и с Анной. Эрни, сволочь!

Жизнь стала налаживаться. Наши отношения с Мэттом текут в прежнем русле. Каждую неделю мы остаемся в ресторане, устраивая себе пиршество из списанных недавно товаров. Мэтт говорит, что нельзя много списывать, иначе непременно заподозрят неладное. Он прячет списанные днем гамбургеры в холодильнике, затем мы их подогреваем и употребляем в пищу. Формально гамбургер должен быть выкинут через час после того, как его выложили на раздачу. Но мы-то с Мэттом знали, что и через 8 часов он может быть употреблен.

Пару раз мы отдавали посетителю простоявшиеся гамбургеры, чтобы вечером себе приготовить новые. Мы полностью драили весь ресторан перед приходом Эрни. Начинали утро с хорошего кофе, какое крайне редко подаем посетителям, думающим, что пьют они только лучшей пробы кофе. Дураки. Мэтт мне сказал, что ради экономии товара, а именно, чтобы хватило ему, нужно подавать посетителям разный кофе. Кому-то хороший, кому-то дешевый. Мы покупаем его в соседнем магазине. И люди не ощущают разницы. Они не понимают, что тот кофе, который они попивают в семейном кругу дома, такой же, как тот, какой отдаем им мы.

О шпионе все окончательно забыли. Даже я потихоньку забывал. Меня уже не интересовала его судьба. Жив и ладно.

Мертв и ладно. Я относился к нему как все – с легким затемнением рассудка. Не знал, был ли он в реальности. То, что был, мне говорил Мэтт. Мы пару раз возвращались к теме шпиона. Он говорил, что подозревал меня, так как я отлично подошел бы на эту роль. Но потом говорил, что он, видно, ошибся, посчитав, что я могу предать Партию. Впрочем, он не смог с точностью ответить, что и он бы смог предать Партию. Мы оба трусы, мечтающие о лучшей жизни. Но если я таким трусом оставался и сейчас, Мэтт определенно труса в себе убил....

Мы сидели на кухне. Ужинали. Он поглядывал на стакан с напитком в его руке. Изучал его. Я не обращал на это внимания, пока он не произнес:

– Знаешь, а ведь я подумываю о переезде.

– Куда?

– В районы нищих.

– Куда? Ты что, забыл, что там творится?

– Я все отлично помню. Но, тем не менее, эти районы не контролируются Партией.

– Конечно. Там же одни мародерства и преступления. Там

очень тяжело выжить.

– А мне кажется, что это партийская политика: отталкивать людей от нищенских районов, чтобы они были здесь: на блюдечке у Партии.

– Дурак. Зачем тебе туда? У тебя хоть деньги есть?

– Я 3 месяц не трачу зарплату. На первое время у меня денег хватит.

– А потом что делать будешь?

– Ну, что-нибудь придумаю.

– Это же шутка, да? Ты просто шутишь?

– Нет. Это не шутка. Я и вправду над этим задумывался. Я думал многие месяцы. Не спал ночами и думал. Если бы не ты, я бы уехал раньше. Но мне нравится с тобой общаться. Приятно, знаешь ли, найти родную душу.

– Ты там умрешь!

– Тогда поделом мне. Ты же понимаешь, я не пришел с тобой советоваться. Я просто решил сказать тебе, чтобы ты

не думал, будто я предал нашу дружбу. Да. Мне хочется верить, что мы с тобой друзья, и что, когда я уеду, ты не будешь обо мне вспоминать с кислой миной на лице. Мне казалось, что мы отлично проводили время, чтобы ты мог вспоминать только хорошее, если, конечно, ты будешь что-нибудь вспоминать.

– Ты же понимаешь, что шанса вернуться у тебя не будет. Там ты погибнешь.

– Здесь же я разлагаюсь морально. Ты знаешь, что Партия не выпускает ничего, что могло бы помешать ее идеям. А ведь там, в нищенских районах, по рукам ходят замечательные книги авторов, не согласившихся жить с Партией. Там в домах висят удивительные произведения искусства, от которых Партия решила отмахнуться.

– А еще там смерть!

– Ну, не рискнешь – не победишь.

– Я расскажу об этом Эрни.

– И что тогда? Как ты думаешь. Что он сделает? Он быстрее подпишет мое увольнение, мне даже не придется отрабатывать 2 недели. Я уеду первым же рейсом. Как только про-

дам квартиру. И мы с тобой больше никогда не увидимся.

– И это ты считаешь дружбой. Кидать друга в ответственные моменты?

Я был зол на него, неужели он и вправду предаст меня. Прекратит свои страдания и сбежит? Нет. Мэтт не мог так поступить. Он же мой друг. Он должен повести себя как друг. Он что-то задумал. Не мог он взять и так рассказать все.

– Я предлагаю – продолжил он – тебе поехать со мной. Давай сбежим вместе. Я и ты. Мы сможем преодолеть все.

– Наших денег не хватит, чтобы облегчить себе жизнь в нищенских районах. Ты же знаешь, нищие самые низшие создания. Они не имеют никаких прав. Партия к ним не рвется. Но и их к себе не впускает. Стать нищим – это позор.

– Ты думаешь, Анна навлекла на себя позор?

Ну зачем он мне напомнил о ней? Об Анне? Конечно же, я не считаю, что своими действиями она навлекла на себя позор. Она просто была обманута сукиным сыном. Но ведь Мэтта никто не обманывал. Никто не вынуждает его податься в нищие. Только внутренние амбиции, которые мне не понять.

– Анна была обманута. Ее ситуация отличалась от твоей.

– Да. Согласен. Она не желала переезжать в нищенские районы, но что, если ей сейчас там хорошо? Что если она счастлива?

– Счастлива? Где? В нищенских районах?! В районах, где за кусок хлеба горло перережут и не заметят. В районах, где люди жрут, не как мы с тарелок, а с земли, словно они собаки какие. В районах, где невинные девушки торгуют своим телом, чтобы добыть пропитания, хотя клиентов у них практически и нет? Это страшные районы. Жизнь там течет по закону джунглей. Слабых убивают. Я не знаю, что случилось с Анной, но уверен, что если что-то и случилось, то она торгует своим телом, оплакивая ушедшего не своей смертью мужа. Я думаю о ней. Каждый день думаю. И все мои мысли сводятся, что она в каком-то борделе торгует всем, каждой клеткой своего организма.

– Эта тема тебя, видимо, пожрала, дала выход эмоциям. Я наводил справки про Анну. Ты прав. Ее муж действительно умер. Он умер от приступа. Сама Анна занимается своего рода землей. Сажает овощи и фрукты. Ее дети помогают ей в этом. Она жива и вовсе не в борделе.

– Откуда ты знаешь?

– Не вся граница нашего района с районом нищих охраняется. Я нашел брешь в заборе. Я видел ее так же отчетливо, как вижу тебя. Мы с ней беседовали. Она говорит, что знает способ, как удрать из этой страны. Есть паром. Он может вывести за океан. Я предлагаю тебе драпать.

Что он несет? Какой паром, какая брешь? Он врет. Я уверен: врет, лживый врун. Но эта ложь похожа на правду. Что если все так?

– Вижу, ты обдумываешь мое предложение.

– Нет. Ни за что. Я всю жизнь боролся за право на существование именно здесь. Я не хочу все пустить коту под хвост, чтобы отправиться в район нищих и оттуда свинтить из страны. Даже если это возможно, нет. Я не готов. Какие шансы, что тебя не убьют, когда ты доберешься до парома. Ты же знаешь правила. Из страны никто не может сбежать: ни нищий, ни бедняк, ни партиец. Всех без исключения ждет смерть. Ждут чистильщики, которые сделают так, что никаких доказательств твоего существования на земле не будет.

– Мне очень жаль, что ты не решился. Мы бы могли сбежать.

– Ты бы мог. Впрочем, мысленно ты уже сбежал. Не удивлюсь, если мысленно ты вдыхаешь океанский ветер, чувствуешь на своей коже капли океана.

– Да. Так оно и есть. Я думал над этим давно. Решился давно. Просто я не хочу, чтобы ты подумал потом, что все наши беседы прошли впустую. Они были единственным моим утешением в этой жизни.

– Я бы не подумал об этом.

Вру. Подумал бы. Подумал бы, будто он предал открывшееся ему мое сердце. Хорошо, что он рассказал обо всем. Поделился идеями и предложил бежать с ним. Хорошо.

– Давай, – Мэтт протягивает стакан – чокнемся напоследок.

Мы чокаемся стаканами, и дальше наш ужин проходит в безмолвной тишине.

Он уехал в нищенские районы через месяц. 2 недели отработал, получил конечную зарплату, неделю потратил на продажу квартиры и уехал. Добровольно пересек границу. Больше его для нас не существовало. На работе только и делали, что говорили о нем, изредка поглядывая в мою сторону. Кто-

то даже не стеснялся меня. Говорил о том, какой он трус, раз уж решил добровольно отправиться к этим маргиналам. Над Мэттом подшучивали. В лицо бы никто ему ничего не сказал, его боялись. Он был авторитетом для многих. Даже для Эрни. И пускай он никому об этом не скажет и никогда с этим не согласится, но это было так. Мэтт единственный, кто мог ответить Эрни, и единственный на кого Эрни не выплескивал свою злобу, свой гнев. Пожалуй, если бы тогда Мэтт заступился за Анну, Эрни бы ее не тронул. Но Мэтта не было на смене. Теперь его уже никогда не будет на смене. Он бросил меня. Хотя я и пообещал ему, что не буду злиться, я злился. Он бросил меня. Пускай он предлагал пойти с ним, переступить через все то, к чему я так стремился, и что так искренне пытался сохранить. Плевать, я бы все равно не пошел. Но я зол. Он мог бы остаться и жить как жил. Нечего ему было думать о свободе. Неужели это наши беседы его так вдохновили, тогда, если бы я знал, я бы не стал с ним разговаривать на эту тему. Тогда бы мы с ним вообще не разговаривали. Мне было скучно без моего друга. Хотя я и злился на него, но он был моим другом – единственным, кто поддержал меня. Единственным человеком, благодаря которому Эрни меня не трогал. А теперь я весь во власти Эрни. Он может творить, что захочет. Я вижу глаза Эрни. Он уже что-нибудь придумывает. Придумывает коварные замыслы против меня. Я обречен без Мэтта. Может, стоило бежать с ним?

Последнюю свою ночную смену я провел в одиночестве. У меня был скромный обед, состоявший из списанных гамбургеров. В руке я держал стакан, такой же стакан, на который недавно смотрел Мэтт, видя в нем так называемую свободу. Я делаю глоток. Для меня это просто стакан. В нем нет ничего необычного. Он полон чернью. Эту чернь я принимаю в себя. Даю пройти ей через мои легкие к желудку, и там загрязнить его, чтобы потом она могла в нем раствориться и выйти из меня в другом формате. Гамбургеры невкусные. Они списанные. Но раньше они были вкуснее. Или их плохо приготовили в самом начале, или это у меня проблемы. Я решил, что у меня, а то еще заставят купить дорогое блюдо. Заставит кто? Я же тут один. Смотрю в потолок и не вижу на нем ничего. Ничего, что мог бы увидеть Мэтт, чтобы последовать в нищенские районы. Где же он ударился головой? Где он поступил не так? Где он остутился от своего пути? Я смотрю в потолок и чувствую себя идиотом. Да. Я идиот. Мэтт перерос меня и духовно и физически. Ему хватило смелости сказать нет всему этому безумию. Он выбрал неминуемый конец, последовал как герой. А я так и остался дрожать от страха. Нужно будет сделать записи в дневнике и уничтожить его. Может так я смогу спастись от злой участи судьбы. Смогу протянуть еще лет 10. Без дневника не будет

никакого обвинения. Встрече с чистильщиками можно будет сказать пока. Кого я обманываю? Партии не нужна причина, чтобы изолировать испорченную клетку, дабы не допустить заражения всей цепочки.

Я стал задумываться над предложением Мэтта. Может, стоило поехать с ним. Сбежать вместе. Гордо перейти ворота и не появляться здесь больше никогда. Может, так и нужно было поступить, но я так не поступил. Я поступил по-другому и не стыжусь своего решения. Столько усилий не могут уйти в никуда. Просто не могут слиться в унитаз, потому что мне так приспичило. Сколько я терпел издевательств. Сколько мной помыкали. Сколько об меня вытирались, и сколько меня макали в грязь. Я должен прожить старость здесь, в районе бедняков. Должен умереть в своей квартире, понимая, что я и не пожил то в радость, но при этом, радуясь, что я умираю не в грязном районе нищих, где после твоей смерти твою одежду с тебя снимут, а тело отправят купаться в канал. Мне так говорили. Но я не знаю – правда ли это.

Жизнь. Кому она нужна, если тебе предстоит ее провести с такими же убогими, как ты? Только ты на класс выше их. У тебя есть своя квартира, а у них общий мусорный бак, в котором они, наверное, вместе с Мэттом греют руки, прикладывая их к огню, дающему хоть какую-нибудь надежду на шанс. Но потом огонь исчезает. Холод овладевает. И все мечты испаряются. Реальность погубила фантазию. Мэтт думал, что он попадет в другое место, сможет там развернуть-

ся. Но это временно. Пока у него есть деньги, он там что-то стоит. А потом он будет в толпе таких же, как он.

Надо забыть его. Нужно все забыть. Забыть так же, как когда-то забыл шпиона, о котором теперь не беспокоишься.

Через 2 недели я уже не вспоминал о Мэтте. Не знаю, что такого могло произойти за столь короткое время, но Мэтт не появлялся в моей памяти. Я выгнал его оттуда, и он ушел. Я все чаще стал вспоминать детство. Эти ужасные времена, когда я был для всех козлом отпущения, словно моя жизнь была отдана моим одноклассникам, и они поступали с нею, как им вздумается. Я начал вспоминать их удары, их оскорбления. Их насмешки. Вспоминал смеющиеся рожи, в которых не осталось ничего человеческого. Дети, переходящие в класс подростков, не могли так издеваться над таким же, как они. Но, видимо, могли. Я вспоминал, как я прогуливал уроки лишь бы не попадаться на глаза и ученикам и учителю. Вспоминал, как мой классный руководитель чморил меня. Никто до сих пор не попросил прощения. Классный руководитель и вовсе считает меня последним отребьем. Говорит, что мне крупно повезло, что я вообще нашел работу. Конечно, я не учился в университетах, не попадал на службу в Партию, но зачем так ранить в сердце? Неужели после отъезда Мэтта это все пробудилось? Мне стало казаться, что наши отношения с ним погубили во мне прошлое. Но воспоминания вернулись. Когда я был счастлив, мне было не до плохого – сейчас же я не счастлив и все плохое вернулось. Не

могу сказать, что с Мэттом я был счастлив, но наши с ним беседы не давали мне вернуться к прошлому.

Пишу новые гадости в дневнике. На этот раз против Мэтта. Я уже забыл о своей ненависти к Партии. Словно ее и не было. Главным противником моим был Мэтт. Он знал, что я не прощу его, я знал это, и мы соврали друг другу, чтобы расставание не было драматичным. Может, он думал, что я пойму его, но я его не понимал. Он скатился вниз, когда мог бы держаться наплаву. Он смог бы найти себе и другую работу, смог бы ужиться здесь. Но он уехал, а я остался. Все так же ненавижу свою работу и свою жизнь. Если так разобраться, то на его месте должен был быть я. Я должен был уехать в район для нищих, потому что у меня нет ничего. Ничего такого, что могло бы быть у Мэтта. Его любили на работе, а меня замечали лишь из-за того, что я им картошку подношу. Сейчас со мной даже не здороваются. Повторяются школьные годы? Может бросить все и пойти за Мэттом? Нет. Нельзя. Я не для того так горбатился. Откладываю дневник. Ложусь спать.

Утро выдалось пасмурным. Когда я вышел на улицу пошел маленький дождь. Я не додумался одеться потеплее, да и домой возвращаться не стал. Пошел на работу. Кроме работы мне некуда идти. Никаких культурных мероприятий для бедняков не было. Партия не рассчитывала, что мы, бедняки, будем ходить на какие-нибудь выставки, посещать театры, зачем?

Ведь мы заняты работой. Мы не уделяем внимания нашим подрастающим детям, не проводим медовые месяцы с женами, мужьями, мы работаем. Всю нашу жизнь, как муравьи, мы работаем на благо высшего класса нашего муравейника.

До работы я дошел быстро. Впрочем, успел весь промокнуть. На улице царил ливень. К ливню на помощь пришел туман. Дальше вытянутой руки ничего не видно. Переодевшись, я заступил на смену. К нам приходили мокрые люди, но улыбка царила на их лицах. Казалось бы, они должны быть огорчены дождем, но они рады, что могут отдать свою зарплату нам. Я не понимаю этого. Не хочу понимать. Буду просто работать.

Прошло несколько недель, каждый день из которых я работал. Я специально упросил Эрни, чтобы он ставил меня на полные смены каждый день, выходил и за тех, кто приболел. Сначала он ко всему этому отнесся скептически, но потом согласился. Работая все эти недели по полной, я приходил домой сильно уставшим и сразу же заваливался спать. Я не мог думать ни о чем кроме сна. Так я и надеялся забыть Мэтта. Я уже полностью забыл свою вину перед шпионом, осталось поднажать и забыть его. Тогда я смогу снова вернуться к обычному ритму жизни, и смогу дальше сосуществовать как одиночка.

К сожалению, Эрни пару раз выдал мне выходной. В один из таких выходных я проверил зарплату. Все-таки работать, как проклятый, довольно прибыльно. Я решил сходить на

рынок. Нужно было купить станки, чай и чернила. Если с чаем и станками было легко, то чернила пришлось поискать. Когда я их нашел, мне пришлось торговаться с продавцом. Слишком завышенная цена на них. Я уже направился на выход, когда он принял мои условия, не зная о том, что я бы принял его цену, если бы мой фокус не сработал.

Из магазина я вышел с чернилами за мою цену, тем самым оставив половину зарплаты при себе.

Вернувшись домой, я не стал ничего писать. Нет смысла. В голову идеи не шли. Мне не о чем писать. Напишу про Мэтта, так все вспомнится, и все усилия зря. Напишу про шпиона, потянусь к ночным прогулкам, а полиция и так наблюдает за парком. Хоть о шпионе уже давно и не слышно, она все равно уделяет внимание этому парку. Может быть он жив? Если да, то его нужно найти. Но это не мои проблемы. Я не хочу ввязываться в это. Потратив все эти недели на работу, отлучившись от своих мыслей по поводу борьбы с Партией, я начал превращаться в ее идеального гражданина. Хоть я и так таким был, но дух мой был другим. Теперь и дух отдавался Партии.

Следующий мой выходной наступил через неделю полной рабочей смены. Сказать, что я был ему не рад – ничего не сказать. Я хотел работать. Не хотел оставаться со своими мыслями. Впрочем, я нашел выход из этой ситуаций. В 2 часа езды от моего дома располагался лес, который Партия по каким-то своим причинам не решила срубить. Более того,

она решила сделать его как бесплатный парк отдыха для всех семей бедняков. Этим жестом Партия хотела показать, что она заботится о бедных, что ей не наплевать на них. Этот трюк удался. Бедные еще больше стали любить Партию. Еще больше отдались ее воле, не испытывая при этом никаких вопросов: а почему бы Партии не облегчить нам жизнь, не снять некоторые налоги?

Так как я являюсь бедным, я решил, что этот парк относится и ко мне. Почему бы его не посетить. Взяв с собой покрывало, решил отдохнуть в парке.

Мне не пришлось долго ждать транспорта. Поэтому через 2 часа 30 минут я уже всюду наблюдал за десятками семей, расположившихся в парке, и делающих вид, скорей всего и не делающих, будто им все нравится. Я слышал взрослый и детский смех. Дети бегали за одним парнем, ведущим за собой по небу воздушного змея. Он нравился им. Змей парил над ними, притягивал их. Могу отметить, что и я минут 5 смотрел на это чудо. Он для меня был символом свободы. Символом, на который я отдал 5 минут своей жизни.

Я ухожу вглубь парка. Туда, где безлюдно. Где никакой смех не сможет достать меня. Где я буду один на один с серостью этого парка. Все светлые тона остались там, где смеются эти глупцы, все серые тона сейчас идут рядом со мной, развеивая свои краски по всему парку. Даже светлое для других небо, для меня хмурится, готовясь полить свои слезы. Найдя открытую полянку, я устроился возле дуба. Расстелил поло-

тенце на земле и уснул на нем.

Сон мой был нарушен, когда я почувствовал, будто кто-то стоит надо мной. Открыв и протерев глаза, я увидел перед собой женский силуэт. Лицо красивой девушки с зелеными глазами, рыжими волосами, падающими на мое лицо (возможно, она сидела передо мной), и покрывающими часть ее щечек веснушками. Она смотрела на меня, искренне улыбаясь. Если бы я умер, я бы понял, что это ангел, что они реальны, что Рай реален, но я точно знал: я жив. Мне рано умирать.

– С вами все в порядке? – спросила она, все так же улыбаясь.

– Да. Да. Все хорошо. Просто прилег отдохнуть возле дерева.

– Вы уверены? Мне показалось, будто вам стало плохо.

– Нет. Все хорошо. Спасибо.

Я облокотился на дуб. Она сидела напротив меня и улыбалась. Ее плечи были открыты для солнечных бликов, задержавшихся на них и путешествующих по ним, стоило ей повернуть голову.

– Вы так часто отдыхаете вдали от всех? – спросила она.

– Да. Знаете ли, мне это приносит покой. Я не люблю шум.

– Вы приехали в парк. В место, где царит шум и смех семей, в место, где кажется, будто ты и вправду счастливый человек, и ты только и желаешь здесь отдаться счастью. Здесь не может быть тихо.

– Зато здесь (указываю на полянку) может. Вглубь парка никто не заходит. Это место для тишины и ее любителей. Счастье в самом начале.

– Вы странный и интересный. Я бы с вами пообщалась. Если вы не против?

Мне хотелось ей сказать: да, я против! Убирайтесь! Но не мог. Хотелось с ней поговорить. Дефицит общения сказывался. Раньше я его восполнял разговорами с Мэттом. А сейчас мне не с кем общаться. Поговорю с ней немного, и как пойму, что готов идти – уйду.

– Так, о чем вы хотели бы пообщаться? – решил узнать тему разговора.

– Расскажите о себе. Чем вы занимаетесь? По вам видно,

что вы очень устаете, возможно, работаете без выходных.

– Так оно и есть. Я работаю без выходных. Работаю в закусочной для бедных. Таких сотни по государству, наверное, знаете. Домой возвращаюсь поздно. В основном дома меня никто не ждет. Я живу один. Нет ни семьи, ни друзей.

– Сожалею вам. Наверное, вам так одиноко?

– Нет. За 10 лет одиночества ты смотришь на шумные семьи и компании, как на нечто такое, чего быть не должно. Это все чужое для меня.

– Я вам искренне сочувствую, хотя нахожусь в таком же положении, в каком находитесь и вы. У меня тоже нет семьи и нет друзей. Точнее сказать, они были, но потом исчезли.

Она погрузилась. Склонила голову, отдав прекрасные глаза тени. Я хотел было обнять ее, но отказался от этой затеи. Мы не так уж много времени провели вместе, чтобы я мог ее обнять. Она сжала руки в кулаки. Я увидел на безымянном пальце левой руки кольцо. Неужели она была замужем, и с ее мужем случилась беда. Зная систему нашего государства, это было бы неудивительно. Как я уже говорил, Партия может обречь человека на смерть просто так, просто по желанию. Или потому что он попал не в то место не в то время.

В основном люди сдавали друг друга полиции, или, как я уже говорил, вначале любовник сдавал мужа полиции, а сам кувыркался с женой, пока та его не сдаст. Я слышал о случаях, когда дети сдавали родителей лишь из-за того, что те что-то не так сказали или прикрикнули на детей за их ошибки. Это был еще один повод моего нежелания заводить семью. Каждый день спать на mine, боясь, что она взорвется, не особо хочется.

Она посмотрела на небо. Я видел, что от наплыва воспоминаний она старается не заплакать, решил, что в правилах приличия лучше будет не смотреть на нее. Отвел глаза.

– Я люблю небо, – продолжила она, устремив взгляд в голубое море, накрывающее нас – мне кажется, что все ушедшие от нас родные люди поселяются там, на небе.

– Когда-то это определение подходило под слово Рай, но сейчас оно вышло из моды.

– Его изгнали. Изгнали из нас это слово, не дав взамен ничего. Безысходность.

– А разве что-то физическое под этим словом было?

– Была вера.

– Вера?

– Вера, что после смерти мы не исчезнем в темной пропасти из ничего, а попадем в место, в котором встретимся с почившими близкими и обретем там покой.

– Вы ярая приверженца всех этих определений, так мне показалось.

– Просто мне куда приятней знать, что я не исчезну в небытие, а встречу с любимыми.

– Все это выдумали люди, чтобы утешить себя. После смерти нет ничего.

– А вы откуда знаете? Вы умирали?

– Только духовно. Морально я мертв с самого рождения. Меня воспитали отличным, идеальным гражданином Партии. Морально я мертв с самого первого глотка грудного молока моей матери, вместе с которым в мое тогда не родившееся сознание, попали все правила жизни Партии.

– И вы им следовали?

– Не всегда. Но я был отличным гражданином. Ни близ-

ких, ни друзей. Только и существую, чтобы работать, больше ничего от меня не требуют, и большего предложить я не могу.

– Вы жили как робот?

– Возможно.

– Все делали на автомате?

– Возможно. Я не хочу сейчас говорить о себе. Расскажите вы о себе.

Она встала, решила размять ноги. Невольно я остановил взгляд на ее подтянутой заднице. В голове что-то загромычало. Но это было недолго. Она поправила свою футболку, слегка приоткрыв начало груди. Но позже футболка закрыла это от меня, поднявшись чуть вверх. На время я подумал, что встреча эта предзнаменование. Что, если она послана мне судьбой? Но то же самое я думал и о Мэтте, что в итоге вышло?

Я поднялся, поднял свое полотенце и подошел к ней.

– Уже уходите?

– Возможно. Мне еще нужно подготовиться к завтрашнему дню.

– О да. Понимаю. Решили постирать свою форму и побриться.

– Именно так.

– Не буду тогда мешать.

Она пошла вперед, а я последовал за ней. Мне не оставалось ничего другого. Такое чувство, будто это не я принял решение уходить с поляны, а она его приняла, когда я согласился. Точнее, стоял перед фактом.

На шаг она шла впереди. Я же шел позади нее, выглядел послушным псом моей хозяйки. Нет. На такое я не подпишусь.

– Стальной характер у тебя!

– Поживешь с мое, и у тебя такой будет

– Так говоришь, как будто ты многое повидала.

– Мне кажется, что так оно и есть. Впрочем, я тебе потом об этом расскажу.

– Потом? Это значит, что мы еще увидимся?

– Да. Или ты против?

– Нет. Я не против. Просто интересно, ты и вправду хочешь со мной общаться?

– Я же сказала, что да. Или это «да» не играет смысла в наши дни?

– Играет.

– Ну, тогда, значит, да.

Дальше мы шли молча.

Она попрощалась со мной на выходе из парка. Оставила бумажку с датой и временем нашей новой встречи. Свое имя и место жительства она не сказала. Да это и не надо. Не думаю, что я приеду на следующую встречу. Хотя. Мне кажется, она тоже задумывается над этим: приеду ли я?

Мы расстались, условно пообещав встретиться в следующий раз на той же поляне. Она улыбалась, прощаясь. А я жалел, что больше не увижу эту ее улыбку.

Она направилась по своим делам. Ушла от меня, помахав

на прощание рукой. Я же решил вернуться домой.

Кажется, есть у меня одна запись, достойная того, чтобы вписать ее в дневник. Кто знает, может, она даже уживется на одном листе вместе с Мэттом и горе шпионом, о поимке которого так и не объявили. Да я и не уверен, что объявят. Народу уже неинтересен какой-то там шпион. Им теперь подавай новости, которые сменяются друг за другом каждый час. Так СМИ, как я уже говорил, делает из людей тупых зомби. От такого количества получаемой информации они даже не понимают, что именно надо запомнить – стараются запомнить все. И не запоминают ничего. Думаю, если бы я был знаменитостью, сейчас бы все СМИ галдели о том, что не очень красивая звезда встретила очень красивую девушку. Из серий «Любовь страшна».

Вот и настал день нашей встречи. С самого раннего утра я стою на ногах. Специально побрился, помылся, воспользовался флакончиком духов (лежал один такой у меня с незапамятных времен), причесался и надел самую чистую рубашку. В общем, хотел показать себя с хорошей стороны.

В электричке я сидел у окна, устремляя свой взор в сторону раскинувшегося леса. Впервые я смотрю на деревья как на живые существа, повидавшие мир, повидавшие и испытывавшие на себе всю суть рода человеческого. Они мне кажутся страдальцами с самого возникновения людей. С этими мыслями я засыпаю. Мне снятся сны, будто деревья и вся природа объявили войну людям. Решили отомстить за все

то, что мы сделали по отношению к ним.

Я приехал раньше нужного времени. В запасе у меня было минут 30, так что я решил побродить вокруг нашего места встречи. Я сел на лавочку возле тропинки, ведущей к той самой поляне, на которой я встретил ее. Сел и посмотрел на эти радующиеся семьи. Если раньше ничего кроме ненависти и абсурдности их положения к ним не возникало, то сейчас мне бы хотелось представить себя на их месте. Стал ли заниматься я змеем для своего сына, как это делает молодой папаша напротив меня? У них на лице улыбка. Оба или рады по-настоящему, или хорошо маскируются. Не думаю, что это маскировка. В этом месте улыбка и радость самая настоящая. Здесь нет ничего липового. Все только настоящее. Может, этим самым Партия дает нам понять, чего она нас лишает. Или же просто дает нам немного свободной жизни. Приятной жизни.

За 5 минут до нашей встречи я направился к нашему месту. Когда я пришел туда, она уже сидела на постеленной на землю простыне.

– Опаздываете. – сказала она, помахав мне ручкой.

– Простите. – говорю я, – Малость задремал.

– Вы, наверно, спите везде, где это возможно.

Когда я подошел к ней, она поднялась и обняла меня. Впервые девушка сама обнимает меня первой, и при этом не делает вид, будто ей это нужно, она хотела этого. Хотела меня обнять.

– Простите, – сказала она, отойдя в сторону – мне кажется, что в вас что-то есть. Не могу сказать, что. Но я думаю, что же?

– Во мне нет ничего, что могло бы привлечь ваше внимание. Зато много того, что оттолкнет вас от меня.

– Вы собираетесь рассказать мне о ваших грязных делишках?

О дневнике и своей «любовью» к Партии я решил промолчать.

– Нет, что вы. Таких сильных делишек у меня нет. Просто сам по себе я не очень.

– Вам об этом говорили.

– Нет. Со мной вообще не общались. Кроме одного человека.

И снова я вспомнил о Мэтте. Воспоминания нахлынули на меня.

– Вы, кажется, чем-то расстроены. Я подняла неудобную для вас тему?

– Нет. Что вы. Просто всякое в жизни бывает.

Она садится на простыню, ее рука остановилась на правом бедре.

– Я, знаете, люблю эту местность. Здесь тихо. Здесь я могу предаваться своим мыслям. Но вам нельзя здесь находиться.

– Почему?

– Оно поглотит вас. Это место для тех, кто хочет вернуться в свои воспоминания, кто хочет их прочувствовать еще раз. Здесь вы получаете колоссальную дозу воспоминаний,

вам нельзя здесь быть. Воспоминания вас убивают.

– Но ведь я здесь. Пришел на встречу с вами.

– Простите. Если бы я знала раньше, я бы выбрала другое место. Вы хотите уйти?

– Нет. Мне хорошо с вами.

– Присядьте, что вы встали как вкопанный.

Я подчиняюсь ей. Присаживаюсь на простыню. Она смотрит на меня и как-то по-другому улыбается.

– Знаете, – говорит она – мне кажется, что вы впервые на свидании.

– Это свидание?

– Могло бы им быть, если бы вы не вели себя как какой-то школьник, впервые увидевший девушку.

– Простите. Я просто разучился.

– Вы раньше бывали на свиданиях?

– Возможно, раза 2-3.

– А если честно?

– Дай бог один раз.

– Дай бог? Какое-то странное выражение для гражданина Партии.

– Это выражение говорили раньше, еще даже до зарождения Партии. Оно не выйдет из обихода. Уверен, каждый человек в глубине души верит в Бога. Просто обращаемся мы к нему тогда, когда нам становится еще хуже, чем сейчас.

– Вы пытаетесь думать, как философ.

– Нет. Я просто сужу по себе.

– Любопытно. А что вы еще делаете по себе?

– Я вас не понимаю.

– Вы говорите, что судите о душе людей по себе. А о теле людей вы тоже судите по своему телу?

– Нет. Тело – это физическая оболочка. Оно напичкано

всяческими подстрекателями к нарушению всего. Я имею ввиду, что сама природа нас сделала такими. Сделала некоторых жаждающими крови, а некоторых обреченными на вечный сексуальный голод. Никто не сможет их насытить, вот они и пробуют насытить себя всяческими средствами. От обычного полового акта, до извращенных мечтаний, связанных со страданиями жертвы.

– Я, по-вашему, тоже голодна?

– Не думаю. Вам тоже точно что-то надо. Но вот что?

– Общения. Я не могу насытиться общением. Я одна. Практически ваша история, только я не похожа на работа Партии.

– Вы хотите общения? Тогда зачем вам я?

– Может, потому что хочу общения с вами. Вы весьма интересная личность. Я могу сказать, что весьма харизматичен. Вы искренне ненавидите всех, потому что у вас нет того же, что есть у остальных – семьи. Вы хоть и похожи на идеального гражданина, но вы им быть не желаете. Просто так легла ваша карта.

– Что ж. Вы могли бы стать хорошим психологом.

Не знаю почему, но мне она стала нравиться больше. Что-то в ней есть. Что-то такое, отчего я прихожу в восторг. Эта беседа, она наполняет меня жизнью. Такое бывало. Когда я вел дискуссии с Мэттом. Не думал, что еще с кем-нибудь смогу так же поговорить.

– Я когда-то думала им стать. А потом передумала. Это не мое. Не хочу знать, как Партия калечит людей. Превращает их в рабов.

– А вы знаете, как она это делает?

– Немного. Не все. Но многое. Прежде всего – массовый наплыв информации от СМИ. Затем агитационный патриотизм. Ну и плюс органы защиты. Все нас держит в узде. Нельзя даже мысленно подумать о чем-то плохом. Иначе ты труп.

– Но вы думаете.

– Каждый день. После моей трагедии я думаю об этом каждый день. Партия мне ненавистна. Этот лес единственное, что ей не принадлежит. Поэтому он мне так дорог.

– Партии принадлежит все.

– Но не лес. Если бы это было так, он был бы срублен.

Просто они не знали, что делать с оставшимися пеньками от него.

– Вы красивая девушка. Вам это говорили?

– Да. Но от вас это звучит немного иначе.

– И как же это звучит от меня?

– Правдиво. Вы верите в то, что говорите, когда другие говорят это ради достижения своих плотских утех.

– Я могу обманывать вас.

– Ваш рот может, а глаза нет. Они не обманут никогда.

Странно, но только сейчас я вспомнил, что у меня есть глаза. Только сейчас я понял, благодаря чему я могу видеть ее красоту. Благодаря глазам. Казалось, будто я был слеп, а она вернула мне зрение. Замечаю, что у нее красивые губы. Не какие-нибудь пышные или уродские, а такие изящные, что ли. Обычные, но при этом притягательные. Забавно, я не могу описать ее губы. Я разучился вообще создавать портрет человека. Все для меня едины, но не она. Она другая.

– Вы куда смотрите?

Она увидела это. Заметила меня. Я поддался чему-то другому, и теперь она подумает, что я такой же, как все. Наша беседа закончится.

– Простите, я сам не знаю, что со мной тогда произошло. Я почему-то посмотрел на ваши губы.

– Вы хотите поцеловать меня?

– Наверное. Не могу разобраться в себе. Вы другая. Не такая, как мой бывший собеседник. Вы притягательны.

– Смотрите, не влюбитесь в меня.

– Вы тогда покинете меня?

– Нет. Просто, возможно, что я влюблюсь в вас. Любовь, знаете ли, штука заразительная.

– Не знаю. Или со мной такое не прокатывало. Все, в кого я влюблялся, не влюблялись в меня.

– А вы уверены, что вы влюблялись по-настоящему?

– Не знаю.

Мы приближаемся друг к другу. Я смотрю в ее глаза, а она смотрит в мои. В них я вижу себя, этакого уroda, в которого влюбилась красивая принцесса. Но я все равно тянусь к ней, мне хочется ее поцеловать. Почему я недостойн этого? Почему я могу быть недостойн этого? Она и сама тянется ко мне.

Мои губы соприкасаются с ее губами. Чувствую мокрое на сухих, давно не целовавших губах. Она не пытается от меня отпрянуть, наоборот, сама приближается ко мне. Я обнимаю, не знаю – против она или нет. Но она не отдергивает мои руки в сторону. Она держит меня за затылок. Ее рука обвивает мою шею, я поглаживаю ее голову. В кино такое видел. Когда еще ходил в кинотеатры. Мне кажется, будто это или сон, или мелодрама. Потому что такого не может быть. Красивая девушка целует такого, как я. Такого не должно быть, но вот новый поцелуй, за ним еще десятка новых поцелуев.

5

Спустя какое-то время мы отлепляемся друг от друга. Фу. Дурацкий термин. Грубый. Неотесанный. Так говорят грубияны и свиньи. Я такой? Нет. Мы после поцелуя немного остываем. Тишина перед бурей.

– Вы простите меня, – начинает она – вы, наверно, были бы против поцелуя, но я так решилась. И вот. Простите.

– Все хорошо. Спасибо вам.

– За такое не говорят спасибо. Получается, будто вы купили меня.

– Я вам не за поцелуи говорю спасибо. Хотя они восхитительны.

– А за что?

– За жизнь. Вы вернули меня к жизни. Как-то по-другому открыли ее для меня. Знаю, сейчас не время для признаний, и знаем мы друг друга не так много, но мне кажется, будто я люблю вас.

– Оу.

ОУ? ОУ! ОУ? Это все, что она могла сказать. ОУ! Да это еще хуже, чем лобовое нет. Чем лобовое: да ты ничего из себя не представляешь, зачем ты нужен. Ничтожество.

– Я имею ввиду, – начинает она оправдываться – что вы правы, мы знаем друг друга не так много. И, возможно, это не любовь, а влечение. У вас давно никого не было. Потом вас бросили. И вот вы ищете утешения в другом.

– Значит, вы думаете, что это влечение?

– Не знаю. Посмотрите сами, я думаю, вы понимаете, что вы не тот мужчина, которого бы хотела выбрать себе в мужа любая нормальная девушка, но вы тот, которого бы выбрала я. И мне тоже кажется, что все это не специально. Только я боюсь, что это может быть влечением. И что потом, будем делать вид, будто мы любим друг друга?

– Не знаю. Я просто вам высказался. Что будет дальше, это ваше решение. Вы примите его.

– Какой же вы мужчина, если не хотите сами принять решение, навешиваете его на бедную девушку.

– Я не знаю. Никогда еще такого со мной не было. Никого не приходилось любить. Наверно, вы правы – я никогда не умел любить по-настоящему.

– И тут, увидев меня, вы научились.

– Не знаю. Не думаю, что это возможно. Хотя я где-то слышал, что любовь настоящая может прийти в любой момент, даже к тем, кто не умеет любить.

– Вы верите в сказки?

– Нет.

– Но верите в настоящую любовь?

– Не знаю.

– Вы чудак. Но жутко интересный.

Она целует меня в щеку.

Дальше около часа мы лежим на простыне. Она лежит на моей груди. Наш взгляд устремлен в небо. Она рассказывает, что вроде бы везде небо одинаковое, но бывают такие места, в которых небо кажется совсем другим, не таким как в других местах. То ли более романтичным, то ли более отчужденным. Красивым или же пугающим. Все зависит от людей, говорит она. Там, где люди хорошие – небо совершенно не такое, где люди злые, думающие только о себе и готовые на все ради себя. Где тысячу не заботит проблема одного. Где любовь мертва. Мне кажется, что она несет бред. Но я ее не

перебиваю. Мне нравится ее голос. Нравится манера общения.

Мы так лежим до самого вечера. Потом она вспоминает, что ей пора домой. Мы идем на остановку.

Она прощается со мной на остановке. Мы поедем в разных вагонах электрички. Не знаю, почему, но спорить не собираюсь. Она оставляет мне записку со следующей датой нашей встречи. Место то же. Она хотела его поменять, но я сказал, что там будет спокойно. Мои воспоминания не вернутся. Напоследок она меня целует в щеку и уходит, помавав мне на прощание рукой. Я заметил, что она опечалилась, прощаясь, но не стал подавать виду. Я и сам был печален. Не хочется ее отпускать. Хочется растянуть нашу встречу. Посидеть вместе в вагоне, пускай без поцелуев, просто вместе с ней.

В пустом вагоне электрички я прокручиваю нашу встречу. Она разительно отличается от прошлой. Между нами возник некий контакт. Он был закреплен поцелуями. Я думал о ней. Думал о физической близости с ней. Да. Врать нечего. Я хочу ее. Хочу познать ее, быть в ней. Быть физически и морально.

Чтобы вновь увидеть ее, мне нужно как-то прожить неделю. На меня набрасываются воспоминания о нашей встрече. Я помню вкус ее губ, помню, что после поцелуев у меня на губах стало мокро. Помню, как обнимал ее. Конечно же, я знал, чем можно будет себя занять – работой. Но даже на работе воспоминания приходили ко мне. Мне было от них

нигде не спрятаться. Стоит подумать о ней, и вот я с нетерпением жду встречи.

На работе все как обычно. Я так же по полной работаю, Эрни так же дает мне 2 выходных на субботу и воскресенье. Похоже, появился некий баланс в моей жизни. Когда я прихожу домой, я сажусь за дневник и пишу все то, что пришло ко мне в голову за день. Все было связано с ней. С этой таинственной незнакомкой, открывшейся мне. Я тратил на нее страницы моего бесценного дневника, раньше страницы я отдавал своей злости на Партию. Сейчас я отдаю их своему признанию к ней. Жизнь преобразилась. Правда она не сказала мне ни «да», ни «нет». Но хочется верить, что у нас все будет хорошо. Засыпаю я буквально под утро, за 2 часа до выхода на смену. За эти 2 часа мне, конечно же, не выспаться, но делать нечего. Теперь у меня появилось больше причин не попасть в район нищих. Невольно задумываюсь о Мэтте, жив ли он, или уже на небесах. Выкидываю эти мысли из головы и собираюсь на работу.

Наша следующая встреча прошла на том же месте. Мы так же целовались, и я так же обнимал ее. Не затрагивали речей о своих чувствах. Сейчас это не нужно. Кажется, будто мы, не сговариваясь, взаимно подписали договор об этих физических отношениях, не приводящих ни к чему. Мы просто целовались и обнимались. Дальше мы не заходили. Возможно, и не зайдем. Она не поднимает тему, что в скором времени поцелуи могут надоесть ей или мне, и я не поднимаю.

Хотя уверен, мы оба уже ненавидим эту мертвую точку, образовавшуюся в нашем совместном движении.

– Ты грустишь. Мне кажется, что это из-за того, что мы не можем перейти к тому, что так сильно любят мужики.

– Нет, что ты. Я не грущу. Наоборот, я не жду этого момента. Мне хватает поцелуев.

– Но ты уже не отрицаешь, что он будет. Не задумываешься, что наши встречи могут закончиться до действия.

– Кто такое сказал?

– Ты сам.

– Я сказал, что не жду этого момента.

– Правильно. Ты сказал, что знаешь, что он будет, просто пока не ждешь его.

– Ты думаешь, я уверен, что у нас будет секс?

– Да. Когда-нибудь такое случится. Это произойдет при двух вариантах: или я тебе сама отдамся, или во время одной

из наших встреч ты изнасилуешь меня, так как не сможешь сдержать раздувающийся огонь в себе.

– Я не причиню тебе боль.

– И ты этого не захочешь. Просто природа решила впихнуть в твоё тело некие ингредиенты, которые при встрече со мной или любой другой женщиной побуждают тебя не на самые лучшие дела.

– Нет. Что ты.

– Хорошо. Скажи мне, ты думал уже о том, как бы овладеть мною?

Я молчу. Делаю вид, что пытаюсь вспомнить, хотя она уже знает ответ. Конечно, думал. Я хотел её взять уже на первой встрече. Просто тогда огонь во мне не так бурлил. Она раскусила меня. Поняла, что значит моё молчание.

– Я так и знала!

– А ты, ты хотела меня когда-нибудь?

Я решил пойти в ва-банк, пускай она мне скажет «нет», и мы уже не сможем общаться друг с другом как раньше, но зато я буду знать, нравлюсь ли ей я по-настоящему.

– Хотела. Но я-то могу себя успокоить. Ровно, как и ты.

Я не понимаю, о чем она говорит. Хотя нет. Понимаю. Есть один способ успокоить бурлящий внутри огонь. Но я против таких мер. Да и вообще – до встречи с ней и огня то не было.

– Я против!

– Чего ты так. Это же не аморально. Это естественно. Если хочешь знать, пару раз я этим занималась. Тогда мне было одиноко, наверное, как тебе. И все дошло до ручки. Если ты понимаешь смысл «ручки».

– Партия относится к этому негативно. Она считает, что человек не должен сам себя удовлетворять.

– Да Партия вообще не разрешает людям получать удовольствие. Честно. Ты не думал, почему все то, что приносит удовольствие нам – запрещено?

– Потому что Партия это запретила.

– А почему она это запретила?

– Потому что это не принесет нам пользы.

– Потому что тогда народ поймет, что он может испытывать удовольствие и без Партии. Лишь изредка она нам дарит какое-то удовольствие, и это вошло в норму, что удовольствие приносит только Партия. На самом деле удовольствие мы можем доставить себе сами.

Я раздумываю над ее словами. Она права. Кончено права. Неужели она тоже против Партии. Если послушать историй о ее жизни, неудивительно, что Партию она ненавидит. Неужели я нашел себе единомышленника.

– Я понимаю тебя. – говорю я.

– Уверен?

– Да! Я и сам ненавижу Партию. Более того, у меня есть дневник, в котором я пишу свою злобу к Партии. Правда, в последнее время в нем я пишу о тебе.

– У тебя есть дневник? Они же запрещены. Мы ни с кем не имеем право делиться мыслями.

– Но я делюсь. Я не могу держать все это в себе. Иначе меня бы давно уже отправили к чистильщикам.

– Сколько он у тебя?

– Год. Может меньше.

Она наклоняется ко мне и целует в губы.

– Знаешь, для Партии мы все один большой сброд. Нас обложили правилами и уставами. Давай нарушим пару правил, касающихся поведения на улице.

– Какие?

-Давай займемся этим. Почувствуем на время себя свободными людьми.

Она ведет меня, охотно согласившегося на ее предложение, в кусты. Снимает с меня верх. Целует меня, спускается вниз. Она становится на корточки, когда я чувствую, что ширинка расстегнута и ко мне просачивается некое удовольствие. Что-то теплое соединяется со мной, от этого союза я получаю удовольствие. Она явно профессионалка. Ее мужу, наверное, нравилось так каждый день. Лично мне бы нравилось. Я чувствую некое напряжение ниже пояса. Такое чувство, будто кто-то внутри меня или что-то заряжает пушку, готовящуюся выстрелить. Я не могу прекратить это, не могу положить конец своим наслаждениям. Пушка стреляет.

Вместе с ней уходит из меня огонь. Я смотрю на нее. Она вытирает лицо простыней.

– Ты бы предупредил! – говорит она.

– Прости.

Это все, что я могу ей сказать. Мне очень понравилось это. Мне нравились ее действия, я получал от них удовольствие, я бы не смог этого прекратить, даже если бы хотел.

– Ну как, ты потушил свой огонь?

– Да. Потушил.

– Ты смешной. Мог бы давно воспользоваться своими конечностями, но вместо этого ждал меня.

– Ждал.

– Не думаю, что ты готов на продолжение. Пошли. Нам пора.

Она покидает кусты. Оставляет меня одного. Я все еще чувствую то наслаждение, которое она мне подарила.

– Может, ты переночуешь у меня? – спрашиваю я.

– А ты не будешь против? Ты даже имени моего не знаешь.

– Не знаю. Но знаю тебя. Я был бы не против. Даже рад. Так ты останешься?

– А ты мне покажешь дневник?

– Покажу.

После всего, что между нами было, я не мог ей не показать дневник. Мне кажется, что мы стали ближе друг к другу.

– Хорошо. Я останусь у тебя. Только с одним условием.

– С каким?

– Не надейся, что я так же проглочу все то, что ты выпустил в меня в кустах. Не надейся, что ты после этого не должен мне.

– Не надеюсь.

Мы сели в электричку и поехали ко мне домой. Впервые в моем доме побывает девушка...

Она моется в ванной. Расходует воды, как хочет. Я сижу на диване, стараюсь сосредоточиться и не дать волю чувствам, чтобы крикнуть, что в гостях не принято так много транжирить воды. Не то чтобы я жадный. Просто у меня потом такой счет будет. Счетчики, наверное, уже накрутили там приличную сумму. Чтобы никто не смог изменить показания счетчиков, все их показатели стоят в определенном месте, в котором нужные работники честно все высчитывают. Именно поэтому люди экономят на воде. Ведь так можно и полностью зарплаты лишиться за неуплату долгов.

Она вышла и предстала передо мной обернутой в полотенце. Руками она поправляла волосы на голове. Мокрые пряди касались ее плеч, падали с них на грудь, закрытую полотенцем.

– Ты бесподобна!

– Пожалуй, это первый комплимент от тебя за все время наших встреч.

– Я просто не знал, как ты к ним относишься. А этот сам собой вырвался.

– Что ж, тогда благодаря случаю мы оба узнали, что комплименты мне нравятся.

Я только улыбнулся. Чувствую себя дураком. Неужели ни разу не сделал комплимента?

– Так и до цветов можем дойти. – говорит она как бы в пустоту.

Цветы! Конечно же – цветы! Как же я забыл. Хотя цветы нынче дорогие. Их трудно достать. Настоящих цветов никто и не помнит, а выращенные в лабораториях подделки продают за баснословные суммы. Но она достойна настоящих цветов. Как же я их найду?

– Ладно. – говорит – Проехали. С цветами я пошутила. Они мне не нужны. Слишком дорогое удовольствие.

Она присаживается на край дивана. Я смотрю на нее. Стоит ли ее поцеловать? Как она это воспримет? Отвергнет меня или же сама отдастся мне.

– Дай-ка угадаю, ты думаешь над извечным вопросом всех попавших впросак мужчин – стоит ли поприставать?

– Я ... не ... думаю ... вряд ли ... хотя ...

– Ты такой смешной. И ты мне нравишься. Но сначала мне бы хотелось посмотреть на тот дневник.

Я поспешно приношу ей дневник. Она листает его. Все еще в полотенце. Сидит нога на ногу. Она возбуждает меня. Пока она читает, я выхожу в гостиную. Не могу сидеть спокойно. Я думаю о ней. Начинаю вспоминать наши беседы с Мэттом. Тогда было проще. От его вида я не возбуждался. Она подходит ко мне.

– Я не стала читать то, что ты написал обо мне. Но то, что ты написал о Партии это нечто. Я и не думала, что люди, не только подумавшие об этом, но и написавшие это еще живы.

– Видно, я один из таких людей.

– Ты расписывал себя в роли эдакого борца с Партией. Но, если честно, ты мне показался шутком. Прости. Но если прочитать это все, можно просто сказать, что ты мараешь страницы дневника, выписывая в нем свою злобу на Партию, которая уходит в никуда. Разве тебе самому не хотелось бы сделать так, чтобы режим Партии прекратился? Не на страницах этого дневника, а на страницах реальности.

– О чем ты?

– О том, что тебе с твоими желаниями, с твоими мыслями нужно найти единомышленников и поднять бунт.

– Устроить войну, в которой партия нас разорвет на части?

До меня вдруг доходит, что я начинаю злиться на нее. Что она болтает? Какая война, если я ничего не могу.

– Войну ты не выиграешь. Но вот с повстанческим движением.

– Ты о «Les miserable», что ли?

– И ты знаешь о них?

Я смотрю на нее. Неужели она тоже знает о «Les miserable», или только притворяется. Может она партийный работник. Внедрилась ко мне в доверие и сейчас выводит меня на чистую воду.

– Я случайно узнал о них.

– Я знаю. Не забывай. Я читала твой дневник.

Она смотрит на меня, и я думаю: как же я хочу ее. Поче-

му-то моя злость на партию улетучилась, сейчас я злюсь, что не могу взять ее.

– Знаешь, – говорит она – а ведь если мы объединимся, мы сможем найти их. И, возможно, сможем к ним присоединиться.

– Ты так думаешь?

– Можно попробовать. Я не хочу прожить всю свою жизнь здесь, где мне указывают, что делать и как жить. Хочу свободы.

– А я хочу другой жизни. Хочу умереть и заново родиться, чтобы то, что со мной произошло, не произошло.

– Я знаю, что с тобой произошло. Поверь, все не так плохо. Просто тебе выпала трудная судьба.

– А что в этом хорошего?

– Ты стал сильным.

– И бедным. И вообще, в моей жизни ничего не было хорошего кроме этой так называемой силы, которой я в себе

не чувствую.

На этот раз и она заметила мои вспышки гнева.

– Не злись. Я просто хотела сказать, что ты силен морально. Я сижу перед тобой чуть ли не полностью голая. А ты даже не стал ко мне приставать, когда некоторые другие на твоём месте бы не выдержали. И Бог знает, что могло бы произойти.

– Я бы не хотел причинить тебе вред.

– Да-да, я помню. Потому что испытываешь ко мне чувства. Ты говорил.

– Ну, и потому что, если не хочешь – ничего не будет.

– Сейчас я хочу только одного: уснуть на твоей груди. Почувствовать хотя бы малую часть семейной жизни.

– Хорошо.

Больше мы не разговаривали о дневнике. Она убрала его со стол, мы легли и она, как и хотела, уснула на моей груди. Я обнимал ее и думал: к чему нас это приведет. Будем ли

мы вместе, или просто приблизили свой конец. Не знаю. Не хочу знать. Так я и засыпаю. В неведении.

Наутро я просыпаюсь, обнаруживая, что дом мой пахнет по-другому. Если раньше он пропах сгнившей едой, грязной одеждой и мужским потом, сейчас он пахнет вкусной едой, а свежий воздух, пришедший благодаря открытому окну, разносит его по всей квартире, унося с собой запахи, к которым я уже привык. Это она похимичила, я уверен.

– Привет! – бросила она мне, когда я показался в кухне.

Она стоит у плиты. Неужели мне готовят завтрак? Для меня это вроде бы привычное для многих людей действие стало каким-то особенным. Мне готовят завтрак. Такого в моей жизни не было уже давно. Может, я сплю.

– С добрым утром. – ответил я, увидев чистоту окон. Неужели они когда-то были чистыми. Я привык их видеть только грязными.

– Я решила немного у тебя прибраться, раз уж я тут ночевала.

– После такого ты можешь хоть жить здесь.

– Ты уверен, что это будет хорошей идеей.

– Не знаю. Но ты смогла добавить этому дому света, и принесла его в мою жизнь. Думаю, если ты согласишься, света здесь будет больше.

– Ты преувеличиваешь мои заслуги. Садись. Будем завтракать.

Я сел за стол. Она поставила передо мной тарелку, в ней уже лежала манящая яичница. Чего чего, а яиц всегда было в достатке.

Она села напротив меня.

– Выглядит вкусно. – без нотки вранья признался я. Это и вправду выглядит вкусно.

– Старалась. Если честно, я не очень умею готовить. Но яичницу приготовить смогу всегда.

– Еще один плюс в табличке «Плюсы твоего житья здесь».

– Ты меня вгоняешь в краску.

Я начал потихоньку поедать яичницу. Она не только выглядела восхитительно, но и вкусом не уступала внешнему виду. Я рад, что сегодня смогу провести весь день с ней. На работе у меня выходной.

– Чем займемся? – спрашивает она.

– А ты чем хочешь заняться?

– Не знаю. Просто решила спросить у тебя. Ты же у нас главный.

– У «нас»?

– Ну, если ты хочешь, чтобы я осталась, ты должен понимать, что главой нашего жилья будешь ты. И добытчиком тоже.

– Это я понимаю. А ты будешь поддерживать домашний очаг в равновесии.

– Да. Возьму на себя эти нелегкие обязанности.

– Хорошо.

Я закончил с яичницей. Мне хотелось добавки. Но я ре-

шил промолчать. Она же только приканчивает свой завтрак.

– Ты говорила про «Les miserable», ты знаешь, как их найти?

– Нет. Но думаю, это можно выяснить. Я говорю, что должны быть какие-нибудь знаки. В той агитбумажке, они утверждали, что им нужно подать знак. Я даже знаю какой. Я думала над этим всю ночь.

А я думал, она всю ночь спала. Ну да ладно. Все мы ошибаемся. Зато у нее есть какие-нибудь идеи, а у меня их не было.

– Что ты предлагаешь?

– Я предлагаю нанести удар по партии.

– Удар?

– Да! Давай разнесем к чертям телевизионную башню.

– Ты совсем срехнулась. Это же точка, связывающая все телевизоры в городе.

– Вот именно. Если ее не будет, не будет и телевизоров. Партия не сможет передавать свои сообщения. А «Les miserable» о нас узнают.

– Если мы раньше не умрем. А если нас раньше времени схватят? Или ничего не удастся?

– Ты сам хотел, чтобы я предложила тебе вариант. Это единственное, чем мы сможем привлечь внимание «Les miserable».

– И нанести удар по партии. Им потребуется не один день, чтобы восстановить башню.

– Именно.

– Но мы станем врагами №1.

– Не для наших будущих друзей. Мы станем для них своими. Они сами на нас выйдут. И мы поможем им.

– На словах все это звучит хорошо. Но что, если у нас это не получится. У меня дома нет взрывчатки.

– И у меня нет.

– Значит, надо придумать что-нибудь другое.

– Есть идеи?

– Я опустошен.

– А ведь был хороший план. Не факт, что после чего-то другого они обратят на нас внимание.

– Обратят. Я думаю, на любых, кто совершает поступки против Партии, они обратят внимание.

– Но к тебе еще не пришли.

– И Партия не пришла.

– Даже не верится. Все это время ты свободно излагал свои мысли, когда многие другие, и я в том числе, боялись подумать о том, о чем ты написал.

– Я не считаю себя героем. Ты права, в моих записях одни лишь слова злости. Ничего дельного.

Она встала, убрала посуду. Я услышал, как на свободу вы-

рвался столб воды. Она решила отвлечься. Помыть посуду.

Я смотрю на нее и думаю: что же ей причинила Партия. За что она так с ней.

Я сам не люблю Партию, но не настолько.

6

Мы вышли на улицу. Решили прогуляться. Ведем себя так, словно мы женаты несколько лет. Она целует меня в щечку и улыбается своей настоящей улыбкой. Я же пытаюсь улыбаться в ответ, но позже мы пришли к выводу, что лучше мне не улыбаться. Она пыталась говорить на разные темы, затрагивая иногда тему удара по Партии. Когда мы проходили мимо телебашни (впрочем, мы именно к ней и шли) мы рассматривали ее со всех сторон. Вход защищали 2 охранника с дубинками. Не думаю, что мы через них легко пройдем.

– Это лучший вариант для удара. – сказала она мне тихо.

– И лучший вариант для самоубийства.

Она только улыбнулась. Ей нравится экстрим? Хочется

почувствовать себя на волосок от смерти?

Мы пошли прочь от башни, когда один из охранников вышел нам навстречу. Догонять нас он, правда, не стал.

До чего меня это доведет?

Вечером мы пытались придумать что-нибудь другое. Но в итоге сошлись на варианте с башней.

– Это самый безупречный вариант. – сказала она, сидя у меня на коленях.

Когда это мы стали так близки, что она может спокойно сидеть у меня на коленях, как ни в чем не бывало? Но мне было приятно, и я не хотел прерывать эти минуты. Уверен, она чувствовала, что в нее что-то упирается. Но она решила просто помолчать. Это хорошо.

– И самый смертоубийственный! – дополнил я.

– Риск бывает везде. Даже просто подумав об этом действии, ты можешь навлечь на себя смерть.

– Но мы еще живы.

– Значит, партийный аппарат слабоват.

– Или мы его недооцениваем.

Она только улыбнулась.

– Мне нравятся твои депрессивные мысли. Но для меня стакан наполовину полон.

– А для меня стакана нет. Ни пустого. Ни полного.

Она только поцеловала меня в щечку.

Всю ночь мы продумывали какой-нибудь план действий. Но в итоге я уснул за 3 часа до моего подъема на работу.

Впервые кто-то проводил меня на работу, пожелав мне удачного дня. Моя жизнь меняется в лучшую сторону, и от того мне плохо. Ведь за светлой полосой следует темная. За радостью следует горе. И я уверен, мое горе уже на полпути ко мне. Возможно, оно уже идет на одной улице со мной. Просто отстают на несколько сотен или десятков шагов.

На работе без изменений. Я так же отрабатываю свою сме-

ну до конца работы закуской. Так же остаюсь наедине со списанными гамбургерами, но только не поедаю их, а несую домой. Теперь у меня есть к кому их нести. Дома мы делим гамбургеры на двоих, подогрев, мы чувствуем заново тот вкус, с которым они родились в стенах закуской. Поедаем картошку, запиваем напитками. Чувствуем себя королями. А затем засыпаем вместе. Так наши ночные ужины продолжаются до следующего моего выходного.

Мы выезжаем загород. Более того, мы выходим туда, куда запрещено выходить. Мы ушли вглубь леса, и вышли к местности, огороженной забором. Этот забор был старым, его легко можно было проломить. Мы вторглись туда, где не была нога ни одного гражданина Партии. Мы нарушили закон, и за это нас ожидает смерть. Но мы идем дальше. Словно не боимся попасть в руки чистильщиков или полиций. Она ведет меня. Такое чувство, будто только для всех я исполняю роль мужчины, когда мы остаемся наедине, она забирает свою роль у меня, отдав мне мою роль, которую играла она. Я легко поддался ей. Теперь мы связаны одним желанием, точнее ее желанием. Мне-то как-то так. Я все равно не верю, что Партию можно победить. Но чем больше я нахожусь здесь, тем больше понимаю, что есть лазейки, что не все потеряно. А что, если сейчас мы выйдем на базу «Les misérable», но нет. Мы выходим на холм. Я смотрю вперед. Вижу лишь черные поля. Когда-то эти поля были преданы огню. Еще дальше можно увидеть огромную стену, это гра-

ница, за ней районы нищих.

– Что если база «Les miserable» находится в районах нищих?

– Что?

Я не понимаю, о чем она. Как может быть база «Les miserable» в районах нищих. А потом мне в голову приходят варианты, почему базы там быть не может, и я понимаю, что может. Районы нищих идеальное место для базы «Les miserable», Партия туда не сует свой нос. Можно действовать, не боясь разоблачения. Я вспоминаю Мэтта, что, если он узнал о месторасположении «Les miserable», и ушел к ним один, пытаюсь взять меня с собой. Не мог он мне раскрыться. А я обманул его ожидания.

Если все это так: то я просто глупец. Самый что ни на есть настоящий глупец. Я мог бы уже давно быть с «Les miserable», мог бы уже давно помочь свергнуть партийный террор. Но нет. Ничего этого не произошло, потому что я даже на мгновение не мог подумать, что их база может быть там, в районах нищих, где лучшего укрытия не найти.

– Ты права. Они действительно там. Все это время они были в районах нищих. Только так шпион мог прокрасться сюда. Где-то есть лаз.

– Невозможно, Партия обставила границу между районами огромным бетонным забором.

– Да, я помню, якобы он служит спасением от чумы, воцарившейся в районах нищих лет 100 назад. Но ведь прошло 100 лет. Может, что-то в нем есть такое, что помогает им пройти сюда и уйти отсюда.

– Брешь!

– Конечно! Нам нужно только найти эту брешь, тогда мы попадем к ним.

– На это уйдет очень много времени.

Конечно. Она права. Дай бог, чтобы мы смогли дойти до границы незамеченными, а там еще и лаз этот искать. Все равно, что в стоге сена иголку искать, понимая, что она или есть, или ее нет.

– Я знаю один вариант. Один мой знакомый так поступил. Но он очень экстравагантный.

– Какой?

– Нужно уйти в район нищих через главные ворота. Отречься от всего, что здесь есть.

– Ты хочешь сказать, что чтобы нам дойти до них, нужно просто отказаться от всего?

– Да. Только так, с помощью своего рода очищения, мы дойдем до них.

– Ты уверен, что мы их найдем?

– Мне кажется, что это единственное место, где они могут быть.

– Хорошо. Что нам нужно делать?

– Уволиться с наших работ. Собрать последние деньги и отправиться к воротам. Постараться распродать вещи, попрощаться со всеми родными и близкими.

– Тебе будет трудно.

– Почему?

– Я читала твой дневник, не забывай, я читала все твои записи и знаю, как сильно ты не хочешь туда. Как ты горбился, чтобы провести здесь хотя бы ночь. Ты пытался доказать всем и себе, что ты можешь жить здесь. И это глупо. Ты все это делал в большинстве своем не ради себя, а ради других. Чтобы тебя не смешали с дерьмом, когда весть о твоём уходе в район нищих достигнет всех знакомых тебе ушей.

– Я это делал не просто так. Моя жизнь была полной ошибкой, все мои одноклассники сейчас партийцы, а я не хочу, чтобы все знали, что я совсем опустился. Я старался и для будущего потомства, чтобы они не жили на помойке, не грелись с другими же оборванцами у горящего бака, желая раздобыть где-нибудь корку хлеба. Я думал, у меня будет семья к этому времени, но я облажался, проиграл.

– У тебя есть семья. Я твоя семья. Теперь мы будем вместе. Уверена, все это не просто так с нами произошло. Мы были посланы друг другу судьбой, чтобы успокоить каждого из нас.

– Ты так думаешь?

– Я так считаю.

Она обняла меня, и я почувствовал ее тепло, она уткнулась в меня всем своим телом. Я обнял ее в ответ.

Всю ночь я не мог уснуть. Я ворочался, думал и размышлял над сложившейся ситуацией. Так долго я пытался удержаться здесь, в этом доме, в этой квартире, и вот весь труд моей жизни коту под хвост из-за моих убеждений. Из-за моего настроения присоединиться к «Les miserable». Я мысленно вспоминал все плюсы и минусы моего решения, и плюсов показалось больше, но минусы были существенными. Неужели я, человек, который все обходил стороной, оставлю свой дом ради какой-то невысказанной идеи о противостоянии Партии? Все указывало на то что – оставлю. Но мне не хочется этого. Может сказать ей, что нам нужно расстаться. Мне нужно всего то – забыть о ней и о «Les miserable». Смогу ли я вернуться к прежней жизни? Вряд ли. Был бы Мэтт, я бы попробовал, но без него у меня этого не выйдет. Решено. Завтра мы вместе уйдем от партийного глаза раз и навсегда.

Это утро показалось мне особенным. Каким-то новым. Не могу сказать, что именно отличает это утро от других таких же, но могу сделать попытку: это утро пахнет свободой. Я уже освободился от Партии мысленно и морально, осталось

освободиться физически.

Наш завтрак прошел с размахом. Мы наелись досыта, истратив припасы, которые могли бы кормить нас 3 дня. Это была нотка праздника в нашей новой жизни. Осталось только сделать главное: полностью попрощаться со старой жизнью.

Я вышел из дома и направился на работу. Осталось решить последнюю проблему: уволиться. Я не знал, как именно отреагирует на мое решение Эрни. Хотя мне кажется, что он будет только рад подписать заявление. Как он там говорит – незаменимых людей нет. Зная Эрни, именно так все и будет. Ну кто я такой, чтобы сильно расстраиваться из-за моего ухода?

Эрни все-таки расстроился. Когда я сказал ему о своем решении. Он ответил, что ему жалко терять такого хорошего сотрудника. Я был ошеломлен этими словами. Ладно, если бы они исходили от Мэтта, который мог бы занять пост менеджера, но мне их сказал Эрни. Парень, которого ненавидят все, и который сам всех смешивает с дерьмом. Мы с ним не были ни друзьями, ни знакомыми, единственное, что у нас было общим к друг другу – ненависть. Я до сих пор не могу простить ему Анну, до сих пор я мечтал врезать ему за нее, разбить его туповатое лицо, но после таких слов ненависть меня отпустила. Она улетучилась.

– Ты действительно полезный сотрудник. – сказал он, когда мы стояли в комнате менеджеров.

– Я уже все решил. Мне здесь не место. Это все не мое.

– Но ты ведь здесь с самого рождения, с чего это тебе покидать этот район и отправляться к нищим?

– С того, что я считаю это правильным и честным выбором. Мне там самое место. Все здесь меня держит взаперти. А там есть шанс реализовать себя.

– Там нет ничего. Нет никакой Утопии, о которой многие мечтают, уходя отсюда.

– Утопия?

– Конечно! Я скажу тебе по секрету (тут он закрыл дверь в комнату), нет никакой Утопий. И не было. Это всего лишь байка для таких вот фантазеров, как ты.

– Но я не понимаю, о какой легенде идет речь.

– Как это не понимаешь? Да все ты понимаешь! Ходит эта легенда, мол, в районах нищих жизнь куда ярче, чем здесь.

Что тебя ценят и обращаются с тобой как с человеком. В ней также говорится, что ты можешь спокойно уйти к своему счастью, покинув свой район. Но все это брехня и чушь собачья.

– Откуда ты это знаешь?

– Да потому что легенду эту пустили партийцы. Ты вообще понимаешь, что то, о чем мы с тобой болтаем как бы противозаконно? Можно и по статье пойти.

Тут он начал мерить комнату шагами.

– Я слышал об этой легенде, – продолжал он – знаю, что она пущена партийцами, потому что слышал ее из первых уст. Это был мой знакомый, он работал в каком-то отделе, как я понял, «Разоблачение шпионов и предателей», они своим отделом пустили эту легенду в массы, чтобы проверить, кто способен на предательство. Такой вот ход придумали.

– Зачем ты это рассказываешь мне?

– Да потому что я все знаю и о тебе, и о Мэтте, будь он

неладен. Я слышал все ваши беседы, знал, что вы тут по вечерам поедаете списанный товар.

Эти факты ошеломили меня. Неужели Эрни все это знал и скрывал. Ведь стоило ему нас сдать, как он сразу получил бы повышение и награду.

– Я не сдал вас, – посмотрел он на меня – потому что вы близки мне. Я тоже ненавижу партийные устои. Более того скажу – против Партии ведется заговор, но он не в районах нищих. Нет. Не там.

– Где?

– Тебе интересно знать? Он там, за океаном. За океаном против Партии уже готовится война. Она наступит совсем скоро. Совсем скоро Партии может прийти конец.

– С чего ты это взял? Партия не ведет войн.

– Да ведет она их. Ты думаешь, почему некоторые твои соседи уезжают в зеленых джипах и не возвращаются? Эти джипы отвозят тебя на сборный пункт и все – ты солдат. Тебя не спрашивают, нет смысла бежать. Берут только опреде-

ленных людей, тех, кому не повезло. В следующий раз этим соседом можешь быть и ты.

– Ты все мне это рассказал, к чему? Думаешь, отобьешь мою идею? Думаешь, я остановлюсь!

– Нет. Просто думаю, что тебе рановато умирать. Анна и Мэтт меня не слушали, а ведь Анна знала о Партии кое-что, она хотела попасть в район нищих. Вот и попросила меня помочь ей. А я, дурак, согласился.

– Так это было подстроено?

– Да. Подстроено. У нее и мужа то не было. Просто партнёр, играющий хорошо свою роль. Она все распланировала, должна была спокойно попасть в район нищих и передать сведения заокеанцам. Но ее вместо этого увели и расстреляли. Партия расстреливала тогда всех, кто пытался попасть в район нищих, даже если это было не по их воле. Тогда у нас шла война с кем-то. Несколько моих знакомых согласились на поездку в зеленом джипе, и больше я их не видел.

– А Мэтт, что Мэтт?

– Мэтт. Он любил Анну. Не верил до последнего, что ее нет. Решил, что хватит ждать и поспешил собраться к ней.

Он собирался пройти не через главные ворота, а через брешь в заборе. Но не успел проскочить, и его схватили. Дальше я о нем ничего не знаю. Поэтому я и не хочу, чтобы ты уходил туда же. Ты будешь полезней здесь, чем на том свете.

– Чем я буду полезней?

– Тем, что сможешь мне связаться с «Les misérable».

– Ты знаешь о них?

– Да. Знаю. Я пытался выйти на связь, но не получалось.

– Так это ты и есть тот шпион, которого они искали?

– Возможно. Я не понимаю, о чем ты.

– Я гулял ночью и видел их объявления. Они искали шпиона, который знал о Партии что-то важное, что-то нужное. О нем еще все говорили.

– Да! Вспомнил. Но нет. Это точно был не я. Я не занимался такими вещами.

– Тогда я не знаю, как сложилась его судьба. Это интересовало меня долгое время, а потом я забыл и перестал о нем

думать. Сейчас же мысль о нем пробудилась в моей голове.

– Считай, что он умер. Умер в руках Партии. Они с такими не засиживаются. Сразу отправляют к чистильщикам.

– Этого я и боялся. Я чувствовал вину за его гибель.

– Сейчас уже поздно чувствовать. Я хочу помочь тебе, хочу тоже бежать. Давай убежим вместе, но по-другому.

– Как это?

– Ну, во-первых, ты не увольняешься. Если ты уволишься. Партия тобой заинтересуется. Так как каждый менеджер закусочной должен подавать на уволившегося работника документы в партийный отдел, чтобы те занялись его отправлением в нищенский квартал. Но в большинстве случаев таких отправляют на расстрел, придумывая им липовые дела.

– Хорошо. Ты убедил меня. Но я удивлен, что ты так быстро мне открылся.

– Просто я решил действовать. Когда я не смог разговаривать Мэтта и Анну, я решил присмотреться к тебе. Одно время ты общался с Анной, а с Мэттом так ты и вовсе был всегда вместе.

– Мы оба ненавидели тебя. Мэтт мне не говорил, о том, что ты помог Анне.

– Он сначала мне не поверил. Об этом плане знали только я и она. Больше никто и не подозревал размаха нашей затеи.

– Я нахожусь на распутье. Не знаю, можно ли тебе верить.

– У тебя нет другого выхода, если хочешь сохранить свою жизнь.

– Я бегу не один.

– Как? Вас там много?

– 2. Я и одна девушка.

– Твоя любовница?!

– Ничего такого у нас с ней не было.

– Но ты бы хотел бы?

– Какое это имеет отношение к нашей теме?

– Ровным счетом ничего. Просто если вы играете во влюбленных, играйте дальше, но не переиграйте.

– Мы стараемся ничего не афишировать.

– Как давно вы вместе?

– Пару дней.

– Быстро вы разобрались в чувствах.

– Переменим тему. Когда ты планируешь бежать?

– Сегодня вечером.

– Вечером?

– Да. Сегодня эта брешь будет под защитой моих друзей. Они согласились закрыть глаза на парочку другую беженцев. Мы переберемся через брешь и попадем в районы нищих. А там можно двинуться к океану.

– Так эти районы существуют?

– Существуют. Только Партия не стремится пополнять его ряды своими же гражданами. Она считает, что в районах

обитают предатели и заокеанцы.

– Почему же Партия не уничтожит районы?

– Слишком много сил тратить на это. А так она держит их под контролем.

– Мы побежим с тобой.

– Я рад это слышать. Встречаемся у старого моста в 10 вечера. Прямо в комендантский час. Полиция не успеет добраться до этого моста до нашего выхода, а когда она придет патрулировать его, мы будем далеко.

– Хорошо.

– И только не опаздывать. Я не собираюсь рисковать своей задницей, ожидая пока вы закончите где-нибудь ласкаться.

– Мы не опоздаем.

– Тогда выходи из комнаты и надень на свое лицо опечаленную маску. Ни с кем не общайся.

Я вышел из комнаты менеджеров с грустной миной, как и сказал Эрни. Направился к выходу. Все во мне бурлило энергией. Получается, мы многого с ней не знаем. Как же так. Я отправился домой. Старался ни о чем не думать. Не хочу. Все для меня стало непонятным.

7

До дома я дошел быстрее обычного. Этот день свалился на меня своими открытиями. Как все разложить по полочкам? Я не понимаю. Она ждала меня у двери. Сразу накинулась на меня. Обняла. Мы постояли так минуту.

– Я думала, что-то произошло. Ты долго!

– Все хорошо. Сегодня день радостных и не очень открытий. Выяснилось, что, решив уйти в район нищих, мы обрекли себя на гибель. Но не стоит грустить, я нашел помощь в лице своего менеджера Эрни.

– ЭРНИ?! Но ты же писал о нем в дневнике.

– И жалею об этом. Эрни рассказал, что Партия избавляется от решивших сбежать в районы нищих. Она избавляется от всех, кто может туда попасть.

– Но почему?

– Районы нищих не принадлежат Партии, они принадлежат сопротивлению.

– Почему Партия их просто не уничтожит?

– Не знаю... давай лучше закроем дверь.

Я закрыл дверь в квартиру. Она села на стул и посмотрела на меня.

– Если б не ты, я бы скоро умерла. Ты мой спаситель.

– Меня, как и тебя, спас Эрни. Мы должны ему сказать спасибо. Он проведет нас к сопротивлению.

– Если ты говоришь правду, дорога будет трудной. Будет патруль.

– Эрни сказал, что знает один лаз.

– А ему можно доверять?

– Раньше я не доверял, но сейчас он открыл мне глаза. Я склонен верить ему.

– Тогда и я поверю.

Она встала и прошла на кухню. Я пошел за ней.

– Надо поесть. – объявила она – это может быть твой последний обед.

Мы поели и решили начать собираться. До самого выхода мы не общались друг с другом. Иногда она смотрела на меня вопросительно, как бы задавая вопрос: а правильно ли мы поступаем? Впрочем, обратного пути не было. Я уверен, Партия уже догадывалась, если не знала, что в таком-то городе, в такой-то квартире живут и собираются действовать рецидивисты. Нужно их остановить. Не удивлюсь, если за нами отправились чистильщики.

Пока все шло по плану. Мы спокойно вышли из дома и затерялись в парке. Начинало темнеть. Мы держали свой путь к старому мосту. До встречи с Эрни осталось минут 15, а идти нам еще приличное расстояние. Она шла рядом со мной.

Мы старались не шуметь. Шли через кусты. Пару раз оставались, когда проходил по дороге патруль. Теперь вместо 2 полицейских было 4. К чему это, подумал я? Неужели Партия разволновалась? Заокеанцы? Если б это были они, вряд ли б только 4 стража порядка патрулировали парк. Нет. Здесь другое. Возможно, искали нас. Она тоже это поняла, и мы решили идти быстрее и еще тише. У нас получилось, уже минут через 5 мы прошли опасную зону. Вышли к мосту. Осталось несколько минут спокойной дороги. Патруль сюда не захаживает. Почему, и сам не знаю.

Мы дошли до моста, но не вышли к нему. Сидели в кустах, ждали, когда Эрни подойдет. Мост был открыт для нас, а вот с него нас бы никто не увидел. Кусты прикрывали. Это она придумала такой трюк.

Пока пусто. Уже десять минут 11-ого, а Эрни нет. Не хотелось бы паниковать, но он должен был уже явиться. Для паники повода нет, но ведь это особый случай. Здесь промедление может стоить жизни.

– Подождем еще немного. – сказала она, держа меня за руку.

Мы подождали еще немного и снова ничего. В голове сразу пронеслись несколько мыслей: или его поймали, или он обманул нас. Конечно же, не хотелось, чтобы это было первое, но если это второе, кому можно тогда доверять? Полу-

чается, никому.

Через несколько минут, когда мы решили сами двинуться к цели, на мосту стоял силуэт. Я не мог увидеть в нем Эрни, так как силуэт был в плаще, да и вообще с такого расстояния он предстал передо мной в черном образе. Мы осторожно вышли к нему. Спрятались в последних кустах. Он не видел нас, но точно кого-то ждал. Это точно должен быть он. Эрни. Мы решили рискнуть, и вышли из укрытия. Удача улыбнулась нам. Перед нами стоял Эрни. Он и сам нервничал из-за своего опоздания.

– Пойдемте, – сказал он вместо приветствия – нас могут заметить.

Мы двинулись за ним. Не разговаривали. Шли молча. Прислушивались ко всему. Иногда мы останавливали движение. Патрули проходили рядом с нами. Их стало больше. Вместо 4 – 6.

– Они охотятся на нас. – пояснил тихо Эрни – Им все известно. Мы враги№1.

То, останавливаясь, то ускоряясь, мы дошли до нужного нам места. Это был старый туннель. Один из выходов из города. Электрички не работают, путь через посты не такой уж безопасный. Проще пройти под землей. Туннель углубляет-

ся под землю на несколько сот метров. Мы выйдем с запада. Как раз рядом с нужным нам местом.

– Будем и дальше вести себя тихо. Не нужны нам неприятности. – с этими словами Эрни еще раз подтвердил, что именно он наш капитан. Никто и не спорил.

В туннеле мы орудовали фонариками. Было слишком темно. Мы спустились примерно на 85 метров. Нас уже не могли засечь патрули. Мы невидимы для Партии.

– Если бы мы знали о всех лазейках, было бы проще. – сказала она, держа меня за руку.

– Если бы вы знали о всех лазейках, вы были бы мертвы. Партия такое контролирует. Даже создатели этих лазеек в скором времени находили свою смерть. – ответил Эрни, идущий впереди.

– Но зачем их убивать?

– Человек – легкая натура, стоит кому-то пригрозить тебе тем, что ты любишь больше всего, или даже боишься, ты сразу же пойдешь на многие сделки. Партия подчищает за собой. Я сам нашел этот туннель случайно, когда прятался

от патруля.

– Ты нарушал комендантский час?

– Да. Пытался найти что-нибудь стоящее. А в итоге понял, что наши закусовые поставляют Партии сведения о работаниках и посетителях. Вообще в закусовых хранится много всего. Будь я главой сопротивления, я бы первым делом пустил ракету на закусовые. Столько бы жизней спасли.

– Мы хотели взорвать телебашню.

– Отличный ход. Так ты их обезоружишь. Народ без телевидения ничего не может, он зависит от него. С помощью телевизора народ контролируют, как с помощью газет и радио. Только телевизор хуже, это точно.

– Ты виделся с кем-нибудь из «Les misérable»?

– Нет. Но я бы хотел предложить их штабу парочку идей.

– Нам долго идти?

– Да. Еще час пути. Но, думаю, можем отдохнуть немного. Мы устроили перерыв. Я сел, облокотившись о стену. Она под села ко мне. Выключила свой фонарь, чтоб не тратить

батарею. Мы пользуемся лишь моим. Эрни ушел вперед, решил не мешать нам. Она поцеловала меня.

– Я вот думаю, – начала она – как сопротивление своих шпионов переправляет сюда?

– Может, какие-нибудь маневры.

– А что, если даже полиция может быть подкупной. Что, если их подкупили, и они уже не за Партию?

– Тогда нам же лучше.

– Иногда я жалею, что мы не можем взорвать эту чертову башню. Уверена, с ее смертью решится часть проблем.

– Нам к ней не подойти.

– Но вместе с сопротивлением мы это сделаем. У нас будет шанс.

– Возможно.

Вернулся Эрни. Мы решили продолжить путь. Как ни странно, но ни одного полицейского мы так и не увидели на этом пути. Видно, патруль не везде работает.

Мы вышли на еще одну тропу. Как сказал Эрни, идти

осталось немного. Я уже видел вдалеке стены забора. Осталось немного.

Эрни довел нас до забора. Мы не вышли на открытую местность. Боялись, что здесь рядом полиция. Эрни говорил, ее быть не должно. Мы подождали немного, походили и решили выйти. Вышли. Ничего не произошло. Похоже, полиций здесь не было. Эрни весь путь держал в руках какой-то рюкзак. Он открыл его и вытащил из него взрывчатку.

– Это единственный путь, – проговорил он, настраивая таймер – только так мы сможем туда пробраться и сделать так, чтобы нас заметили. Этот забор нужно разрушить.

– А мы. – не выдержал я. – Что будет с нами?

– Мы успеем потом, до приезда полиции, удрать отсюда. Мы окажемся на той стороне.

– А если и нас накроет? Забор же вон, какой высокий!

– Не накроет. Взрывчатка оставит брешь в нем. Хочешь – иди через парадный вход, но тогда тебя сразу же расстреляют, как это сделали с Анной и Мэттом.

– Расстреляют?! – вступила в разговор она.

– Она не знает? – спросил меня Эрни.

– Не помню, говорил я или нет. Но в районы нищих через официальный вход путь заказан.

– Как это «заказан»?

– Тебя ждет там смерть.

Она посмотрела на меня испуганными глазами, я видел, как в глазах начинают зарождаться слезинки, скатываясь по ее щеке.

– Они не могут. – тихо произнесла она.

– Могут. – ответил за меня Эрни.

Вначале и я этому не поверил. Но сейчас начинаю понимать масштаб трагедий. Каждый день сотни семей отправляются по этому пути. И никто не возвращается назад, никто не находит жителя за забором. Всех ждет один лишь покой. Их лишают жизни, и они не могут за себя постоять, они доверились и их обманули. И все ради чего? Ради какой-то власти, которая без людей будет не нужна. Партия проливала ручьи крови, реки крови и все только для того, чтобы контролиро-

вать тех, кто еще держится в районе бедняков.

Она уткнулась в меня. Не может сдержать слез. Мне везло – я никогда не видел это шествие. Ни разу на него не выходил. Обычно эти семьи, эти люди проходили с центра района до забора крестным ходом. На них многие выходили посмотреть, кто-то с жалостью, кто-то с отвращением. Бывали случаи, когда в них чем-то кидали и обзывали их. Я не понимал этого. Они такие же люди, просто им помощь требуется, а не унижение. С ними шли дети. Конечно же, шли. Без детей бы не получалось. Она видела некоторых детей, и теперь они всплыли у нее в памяти. Теперь она знает, что их нет в живых, что их смех и их радость, их жажда жизни угасла под прицелом дула автоматов. А их маленькие тела, наверное, уберут в большую кучу и или просто закопают без надгробия, или подожгут и устроят массовую кремацию.

Эрни смотрел на меня. Ни он, ни я не могли и подозревать, какой шок вызовет у нее такая информация. Но ведь она примерно понимала, за что можно ненавидеть Партию. Или же она думала, что это бунтарка в ней играет. Что просто так нужно сломать партийные устои, потому что это присуще характеру твоего возраста.

Эрни посмотрел на меня. В его лазах читался вопрос: пойдет ли она дальше? Он почему-то решил, что я пойду точно. Возможно, потому что это написано на мне. Не боюсь Пар-

тии.

– Ты точно решила пойти с нами? – обращаюсь к ней, держа ее за руки.

– Точно. – ответила она – Я хочу помочь в уничтожении Партии.

– Хорошо.

Я кивнул Эрни, и он установил заряд, прикрепив его на забор. Мы отошли в сторону. Буквально спрятались в кустах. Эрни не мог точно сказать, какой силы будет волна от взрыва – решили не рисковать.

Раздался взрыв, вышел он приличным. Уверен, уже сейчас сюда направляются чистильщики, виня себя за оплошность.

Сразу как дым рассеялся, мы двинули к забору. Перед нами показалась обширная брешь. Ни минуты не раздумывая, мы пролезли через нее и почувствовали себя свободными. Где-то там, на той стороне, которая когда-то была нашим домом, всюду звенели мигалки, раздавались голоса. Они были далеко. Но мы их слышали. Мы покидали эту тоталитарную бездну. Покидали, чтобы присоединиться к тем, кто бросил ей бой. Мы уходили, а власти думали, будто нас и не было. Думали, будто это был удар врагов. Скоро они почувствуют на себе наш гнев...